

КОСЭЙ-КАН

18+

Лор Кор
Косэй-кан

«Автор»

2026

Кор Л.

Косэй-кан / Л. Кор — «Автор», 2026

Когда он был 15-летним подростком, в его привычный мир с ноги влетел потусторонний мир со всеми его обитателями. А потом еще и выяснилось, что он и сам такой же. Сейчас, в 22 года он, после нескольких лет в аду, работает в книжном. Тэцу не хочет спасать мир. Он хочет только того, чтобы его оставили в покое. Но как быть, если есть люди (или почти люди), которые в борьбе за свои грандиозные цели одни не выживут? Получится ли у героя остаться в стороне или этот путь в итоге окажется его предназначением?

© Кор Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Уничтожая рис	5
Он всегда хотел кота	8
Образцово-показательная территориальная единица	11
Трудоустройство	15
Новый мир	21
Рефлексия на луну	24
Красивая женщина боится огня	29
Мёртвое пламя	35
Противоположный берег Сандзу	40
Коридоры, которых нет	45
Самое охраняемое здание в городе	50
Тонкости медитации	56
Сострадание	61
Цветок смерти	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лор Кор Косэй-кан

Уничтожая рис

Рис, рис, рис и снова рис. Учитель истории говорит, что рис - главная гордость нашей префектуры. Еще он говорит, что мне стоит больше стараться и делать меньше ошибок в заданиях. Но главная ошибка - это то, что я застрял в рисовых текстурах этого всеми забытого места. Мой дед, который всю жизнь прожил в городе, с моим все бросил, взял меня, своего милого и любимого маленького мудзина⁵, как он ласково называл меня в детстве, и переехал сюда. Но у нас тут даже родственников нет! Зато есть рисовые поля по пути в школу, рисовые поля по пути из школы и рисовые поля, которые простираются во все стороны до самого горизонта. Зато в лесу не потеряешься, леса-то тут нет. Почему цивилизация не смогла добраться до этого места, а дед смог? Он говорит тут хорошее место для сражений. А я думаю, мой единственный родственник малость чокнулся, военное прошлое дает о себе знать.

Сегодня солнцестояние, праздник гэси¹. Мне 15 и дед говорит, что традиции надо уважать. Традиции говорят, что в самую короткую ночь в году граница между нашим и потусторонним мирами становится тоньше, а значит сообщения “туда” проходят лучше. Поэтому сейчас мы с дедом в местном храме на молениях о хорошем урожае риса. А в городах говорят в этот день фестивали проводят. С фейерверками. Я бы сходил.

Похоже границы между мирами действительно имеют свойство барахлить и молитвы фермеров исправно доходят куда надо. Риса каждый год все больше, а полчища саранчи всегда обходят нашу префектуру стороной. Даже саранча понимает насколько здесь скучно.

Ритуал закончился с закатом. Я отвоевал деда у старосты, который уже по второму кругу хвастался ему рисовыми достижениями префектуры, и потащил домой. Тем более дождь обещали. На выходе из ворот храма успеваю услышать как староста кого-то уверяет в том, что рис - наша гордость. Не зря они с учителем истории родственники.

Домой мы с дедом вернулись насквозь мокрые. Он заставил меня пить вонючий чай от простуды и отправил спать. Закончился очередной рисовый день. Я упал в кровать, раздраженно прорычал в подушку и целую вечность ворочался прежде чем наконец-то провалиться в сон.

Меня разбудил громкий звук. Выстрел? Не может быть. Снова выстрел? Выскочив из комнаты я побежал искать деда. Дома его не было, во дворе тоже. Я побежал на улицу за звуком очередного выстрела, за которым последовал еще один. В поле, через дорогу, по колено в воде, дед и стрелял в темноту. С каких пор у деда ружье? Военное прошлое? Сомневаюсь, что саранча передумала и сейчас он защищает честь риса от этих насекомых. Похоже дед все же чокнулся.

- Дееед! Дед, что случилось? - кричал я, неуклюже приближаясь к нему по залитому водой полю.

Дед повернулся в мою сторону отчего-то подозрительно довольный. Кажется я слишком мало знаю про его военное прошлое.

- Икути! Это икути, - прокричал он, указывая рукой в темноту поля, - ты же помнишь икути?

- Помню! - крикнул я деду в ответ

Забудешь тут. Я, когда маленький был, на все праздники просил книжки с картинками, но каждый раз получал сборники древней японской нечисти. Надо отдать деду должное, условие про картинки он выполнил. «Надо знать историю своей страны» - говорил он. Если бы учитель

истории преподавал такую историю, я был бы лучшим в классе. А икути - это морской ёкай², огромный монстр, чего-то среднее между змеей и драконом. Но в некоторых источниках - угорь. Бюджетная версия для не таких пафосных водоемов как море.

Я перевожу взгляд в сторону поля и впадаю в ступор. Краем уха слышу как рядом усмеяется дед и пытаюсь снова научиться дышать. А зачем? Мне же немного осталось, ведь в нашу сторону, извиваясь всем телом, ползет огромный... икути? Не может быть. Торияма Сэкиен³ рисовал икути похожим на змею, а не на жирного дождевого червя поблескивающего изгибами в свете луны. Кстати, луна, можешь светить ярче?

Черное гибкое тело метров в пятнадцать, рассекало затопленное рисовое поле и становилось все ближе. Морда этой хтони выглядит как неудачная попытка скрестить ужа и карпа. Или попытка удачная и так было задумано? Маленькие глаза нелепо расположены по разные стороны головы прямо над ртом, который явно больше чем у кара, но не такой большой как у ужа. За головой, по хребту, начинается и уходит вдаль невысокий плавник. Чешуи вроде нет. Если присмотреться, монстр становится еще противнее, чем если не присматриваться. Резко захотелось учить историю письменности периода Хэйан⁴ вместо того, чтобы снова учиться дышать. И эту хтонь можно из ружья убить? Попасть в слабое место и мы спасены?

- Кулон! Сними и выкинь кулон! - раздался громкий голос деда

- Что? Ты сам сказал никогда его не снимать! - возразил я

В детском саду я дрался с дедом, потому что он заставлял меня носить этот дурацкий кулон в форме сердца с непонятным знаком на одной стороне и непонятным знаком на другой стороне. В младшей школе я дрался с одноклассниками, чтобы доказать, что это не девчачье украшение. В средней школе я дрался с одноклассниками, чтобы доказать, что я имею право носить девчачье украшение. А теперь вот так просто «выкинь»? Не успел я начать возмущаться, как дед оказался рядом и сорвал с моей шеи шнурок с кулоном. Тело непроизвольно дернулось, а перед глазами помутнело. Попытка проморгаться не удалась, я отвлекся на отчетливый шум... крови, текущей по сосудам? Я вдруг представил как приятно теплая и густая жидкость обволакивает мое горло, стекает ниже и заполняет собой невыносимое чувство... голода?

Мои фантазии прерывают летящие в лицо слюни из раскрытой пасти кинувшегося на меня монстра. Пасть была усеяна острыми кривыми зубами, которые так и напрашивались на брекеты. Хтонь хтонью, а ровные зубы всех солиднее делают. С ровными зубами речи учителя истории о рисе стали куда убедительнее. Уклонившись, я свалился в воду. Скользящая туша пролетела сбоку, но монстр стал сворачиваться вокруг меня кольцом. Деду прилетело хвостом и он улетел в тростник. Очень надеюсь на амортизирующие свойства тростника, а то у деда спина больная. Травма из военного прошлого как никак.

Быть раздавленным на голодный желудок не хотелось, поэтому я бросился на противный бок противного червя в попытке залезть на него сверху. Родео на стремном черве. Забавно же? Падать было не больно, но монстр так извивался, что чуть мне ногу не отдал.

Вторая попытка оказалась успешнее и, упорно взбираясь по скользкому телу, я смог зацепиться за хребет... когтями? Увидев свои руки я чуть не свалился со своего коня от удивления. Я зацепился за стремного червя когтями. Растущими из волосатых рук. Ладно. Но что дальше? Дед всегда говорил «Не знаешь что делать, поешь. Хотя бы сытым будешь». Как назло вдруг так вкусно запахло. Как будто холодный горный ручей, чистый-чистый и щедро приправленный кровью, который так и просит, чтобы я его выпил. Я уже не очень удивился когда понял, что так пахнет кровь, вытекающей из ран монстра. Как разделять угря?

Хтонь бьет хвостом по земле и почти заваливается на бок в попытке сбросить меня, на что я сильнее хватаюсь руками и запрыгиваю ему на спину цепляясь за по бокам когтями. Когтями на ногах. Волосатых, конечно же. Надо признать, довольно удобно.

И вот он я, милый и любимый дедушкин мудзина⁵, болтаюсь превратившись в хтонь и вцепившись в другую хтонь. Как же бесит! Начинаю рвать когтями медленно поддающуюся плоть. Где-то в глубине души я, если честно, все еще надеюсь на слабое место стремного червя и дедовское ружье. Руки уже по локоть в этом противном аппетитно пахнущем теле, когда я нащупываю позвоночник, хватаюсь за него и изо всех сил тяну на себя. Стремный червь начинает сильнее извиваться и клацать пастью, но раздается хруст и он начинает обмякать. Не в силах остановиться, я уже на половину тела рою внутрь монстра пока в моих дрожащих руках не оказывается желанное, мокрое, гладкое, красивое, холодное, все еще хаотично бьющееся сердце. Наконец-то поем.

Спустя время от гастрономического счастья меня отвлекает тихий, чуть шипящий звук, напоминающий тление костра. Солнце, показавшееся из-за горизонта, испаряло остатки туши. А нельзя было раньше вылезти? Ночь же короткая вроде должна быть? А монстр-то угорь. Икути, получается. Бюджетный. Ну, прости за червя чтоли. Так обидно за исчезающий недо-еденный кусок сердца в моих руках. В руках без шерсти и когтей. Да ладно? Дед шел в мою сторону с зажатым в руке телефоном.

- Почти все заснял - сказал он, похлопав меня по плечу - Ты молодец!

Я вопросительно промычал ему в ответ.

- Ну ты же хочешь на себя посмотреть, мой маленький мудзина?

Кажется мы с дедом оба чокнулись. Возможно военное прошлое заразно.

¹ Гэси - летнее солнцестояние.

² Ёкай - сверхъестественные существа в японской мифологии.

³ Торияма Сэкиен - японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

⁴ Хэйан - период в истории Японии с 794 по 1185 год.

⁵ Мудзина - 1) старояпонское слово для обозначения барсука; 2) традиционный японский оборотень-барсук, который умеет менять облик, превращаться в людей и принимать форму «безликого призрака» (нопэрапона).

Он всегда хотел кота

- Когда ты собирался сказать мне, что я человек-барсук?! - снова с кулоном в виде сердечка на шее кричал я на деда, в сотый раз проматывая на телефоне видео, где антропоморфное млекопитающее семейства куньих в остатках моей рубашки седлает гигантского угря.

- Тэцу, это называется оборотень.

- Почему ты так спокоен?! Ты же вырастил барсука!

- Всякое бывает, - пожал плечами дед.

- Ну конечно, у тебя было 15 лет, чтобы смириться, - проворчал я, - ну и кто у меня барсук, мама или папа?

- Ох, мой маленький мудзина¹, мне самому интересно.

- Ты не знаешь?

- Тяжелый был год, - дед опустил взгляд, - сплошь землетрясения да тайфуны. Люди говорили, мол, духи сильно прогневались. Тогда я еще в городе жил. Как-то раз забыл зонт на работе и по пути домой попал под дождь. Мне повезло встретить небольшой храм, где можно было переждать непогоду. К моему удивлению, там был монах. Он рассказал, что его выгнали из приличного храма за то, что с духами водится, хорошими и плохими, без разбору. А тут никто не жаловался на его предпочтения.

Как сейчас помню, дождь шел, а солнце светило как будто ярче обычного. Монах сказал, что такая погода означает, что кицунэ² выходит замуж. Ну, ему виднее, он же с ёкаями³ связь держит.

Когда дождь стих, я услышал шуршание в кустах. А потом писк. А потом снова писк и снова шуршание. Там, застрявшего в переплетенных корнях азалии, я тебя, маленького барсучка, и нашел. Выкармливал несколько дней, а как-то прихожу домой и вижу, ребенок, года два с виду, лежит и плачет. На треть шерстяной, но вполне человеческий. Я ж кстати с того дня не пью. А ты с того дня стал неожиданно перекидываться из человека в животное и обратно. Ну я взял тебя и пошел к храму, где тебя нашел, к тому монаху, которого не любили за беспорядочные связи с духами. До рассвета мы ждали, когда ты снова примешь облик животного и докажешь, что я не сумасшедший. И как же горели глаза монаха, убедившегося, что я не сумасшедший. Тогда он отправил нас домой, сказав, что позже сам придет.

Серьезно?! Мой неподготовленный к таким издевательствам мозг был на грани того, чтобы взорваться, лишь бы не продолжать осознавать происходящее. Под вопросительный взгляд деда я вышел из дома и шел, пока не остановился перед полем, где состоялось ночное родео на угре. И как заорал. А потом еще раз. А потом осознал, что хоть и лето, но после дождя как-то прохладно на улице в одной майке. Я поплелся обратно. Дед встретил меня, всучив кружку вонючего чая от простуды, и продолжил:

- Потрепанный, но с тем же нездоровым блеском в глазах, монах появился через три дня. С порога потребовал принести ему тебя и все зеркальные поверхности в доме. За несколько часов мы убедились, что ты меняешь облик, когда видишь свое отражение. Отражение в зеркале, в воде, на глянцевых поверхностях, иногда в стекле, если свет удачно падает, но не в начищенных стальных боках чайника. Хотя с фольгой через раз срабатывало.

Монах заключил, что, скорее всего, такое с тобой приключилось когда ты посмотрел в священный синтай⁴, который оказался зеркалом и был вместилищем духов. Как это случилось, мы не знаем, но, видать, духу с той стороны ты понравился. Еще бы, ты ж такой мягонький и миленький был.

Нас прервал шум с улицы.

- Катанамичи-сан! Катанамичи-сан, вы дома? - кто-то громко звал деда с улицы.

Да ладно? Кому-то удалось не сгинуть в рисовом лабиринте в попытках найти наш дом? В окно я увидел, что к нам пожаловал сам староста, важный человек в нашей префектуре, уважаемый. Дед пошел встречать гостя, и я увязался за ним.

- Катанамичи-сан, поле-то, поле попортили! Вот прям вот это вот поле-то, вот тут, - показав староста в сторону поля, пострадавшего от моих недавних развлечений.

- Неужто саранча добралась? - с почти искренним недоумением спросил дед.

- Хуже! Потоптали! Будто там всю ночь нечисть плясала!

Знал бы он как близок к истине... Интуиция?

- Неужто мы плохо молились вчера? А я говорил, не надо было на благовониях экономить! Да и алтарь-то заменить пора, почти сгнил ведь, - причитал староста.

- Каждый в префектуре знает, что вы все по совести делаете. Да такого толкового старосту еще поискать! Не может тут быть вашей вины! - утешал его дед.

И не врал. Старосту любили заслуженно, хороший он мужик, даже жалко его. Ну не повезло, что барьер в эту ночь схалтурил и древняя хтонь поползла рис давить, что ж поделать. Когда расстроенный староста ушел, дед продолжил свой рассказ.

- На чем я остановился?

- На фольге, - недовольно поморщившись, ответил я.

- Точно, синтай. Зеркало же показало, что мы с монахом не сумасшедшие. Когда мы сажали тебя перед зеркалом мальчиком, по ту сторону зеркала видели маленького мудзина. И наоборот. Когда поверхность зеркала начинала дрожать и покрываться рябью, вы менялись местами. Монах что-то говорил, мол, в священном месте тебя луна сглазила, когда ты смотрел на нее в отражении, а рядом дух какой-то крутился. Или это дух проклял? Не понял я его тогда, не до этого мне было. Надо было тебя в садик отдавать, а людей смущать не хотелось.

С улицы снова послышался шум.

- Катанамичи-сан! Катанамичи-сан! - староста зачем-то вернулся и снова звал деда.

- Я ж разузнать забыл, вы может видели чего или слышали? - с надеждой в голосе спросил он.

- Нет, - хором ответили мы с дедом.

- Спим крепко, выстрелом не разбудишь, семейное это у нас, - соврал дед.

Староста ушел еще более расстроенный. Дед покачал головой и продолжил:

- Еще через три дня прибежал монах с решением моей проблемы. В каком-то свитке показывал какие-то знаки, говорил, надо амулет делать, сдерживающий. Но, мол, времени нет совсем, через два дня гэси⁵. Ты же и к людскому, и к не людскому мирам принадлежишь, поэтому, только когда граница между мирами тонкой будет, амулет, надетый с заклинанием, будет помогать. Не успеем, придется еще год ждать. А ждать нам некогда, нам в садик надо. Поэтому на следующий день побежал я к ювелиру, а он говорит, мол, сначала само изделие отлить надо, а потом символы вырезать, только через три дня готово будет. А мне-то завтра надо! Сошлись мы на том, что я выбираю что есть, а он символы до завтра вырежет. А из готовых изделий у него только цветочки да сердечки были. Ну ты понял.

Повисла тишина. А нет, где-то цикада стрекочет. Наверное, надо что-то спросить? Например, почему сердечко, а не цветочек? Или пригодилась ли ему информация о замужестве кицунэ? Или как звали монаха?

- Дед, а тебя вообще не смутило, что оборотни - опасные и злые? - собрался с мыслями я
- Знаешь, я всегда кота хотел. В детстве родители запрещали, а потом как-то не до кота было. А тут ты, такой мягонький и миленький. Какой же ты опасный и злой?
- А почему мы живем в этом рисовой вселенной?
- Место для сражений хорошее, - пожал плечами и рассмеялся дед
- Издеваешься?!
- Ладно-ладно. Ты ж мудзина у меня, считай, зверь. А каждому зверю природу надо, просторов. Бегать чтобы, лапы разминать, саранчу догонять. Но ты книжки любил и как-то не рвался в сторону дикой жизни. А я и не настаивал. Да и садик же, школа потом. Незачем людей смущать.

¹ Мудзина - 1) старояпонское слово для обозначения барсука; 2) традиционный японский оборотень-барсук, который умеет менять облик, превращаться в людей и принимать форму «безликого призрака» (нопэрапона).

² Кицунэ - японское мифическое существо, лисица, обладающая сверхъестественными способностями. Может принимать облик людей.

³ Ёкай - сверхъестественные существа в японской мифологии.

⁴ Синтай - священные предметы, почитаемые в синтоистских храмах как вместилища духов.

⁵ Гэси - летнее солнцестояние в Японии.

Образцово-показательная территориальная единица

Над пострадавшим рисовым полем страдали всей деревней. Убирали испорченные побеги, выравнивали перерытую землю. Даже монах приходил. Все поле вдоль и поперек обошел, молитвы читал. Похоже, староста решил выложиться по полной ради восстановления рисовых владений префектуры. С монахом-то эффективнее.

Дед рассказал мне про кулон. Извинился за то, что он девчачий. Но срок давности обиды истек, я давно привык, и мне он даже нравится. Ну или я заставил себя так думать от безысходности. Все-таки, зря чтоли я за него столько дрался?

Так вот, как мудзина¹, оборотень-барсук, я меняю облик, когда вижу себя в отражении. Монах, которого осуждали за связи с духами, помог тогда деду с кулоном. В форме сердца. Ну да ладно, срок давности обиды же истек. Монах говорил, что оборотень в теории может контролировать свои превращения, но он не знает, как. Как так вышло, что в свитках монаха есть всякие древние знаки, но нет базовой информации о механизмах функционирования оборотней?

Поэтому на мне сейчас кулон. Амулет вообще-то, а не просто украшение. С одной стороны у него знак, который, будучи надетым лицевой стороной, запечатывает меня в облике человека. А если надеть так, что на виду будет знак с обратной стороны кулона, я останусь оборотнем. Ну а когда на мне нет амулета, любая отражающая поверхность заставляет меня произвольно менять сущность. Неудобно.

И почему так сложно? Я явно не все понял.

- Ты, главное, не снимай амулет-то. И не теряй его, - попросил дед, - а то до нужного монаха ехать далеко.

Серьезно? А неделю назад, ради моего родео на угре, он сам сорвал его!

- Это ж тогда удачно сложилось, что рисовое поле затоплено было, и отражение луны в воде сработало как зеркало, - объяснил он, - но так-то ты кулон не снимай, а то вдруг монах-то тот уже к духам своим отправился.

Уже неделю я не могу уложить в голове факт наличия во мне второй сущности. Избегая новой реальности, я все свободное время посвящал учебе. Учитель истории, Ватанабэ сенсей, был в восторге. Он, кстати, пару раз спрашивал, как я себя чувствую после, по его словам, “неприемлемо возмутительной ситуации”. Еще он спрашивал, переживаю ли я за рисовые убытки. Как-то он спросил, не напуган ли я, ведь ужасные события произошли рядом с нашим домом. Почти не запинаясь, я уверял сенсея, что поле жалко, а я в порядке и бесстрашный. Но, видимо, он все же заметил мою напряженность и неряшливый внешний вид. Однажды сенсей сам поправил на мне, по его словам, “недостойно” завязанный галстук. Он тогда еще сказал, что кулон у меня на шее интересный. Еще бы, не каждый день на парне кулон в виде сердца встретишь.

Правильно завязывать галстук я никогда не умел. Через неделю Ватанабэ сенсей не выдержал и вызвал меня к себе в кабинет за, по его словам, “неподобающий приличному уче-

нику приличного учебного заведения” внешний вид. Я все не мог понять, откуда такое внимание к моему галстуку, он же всегда выглядел плохо, но никто не жаловался. Только я зашел к сенсею в кабинет, как он поставил меня перед зеркалом и... сорвал с меня кулон! Через несколько секунд я стал шерстяным когтистым учеником старшей школы в школьной форме, которой теперь конец. Оборотень я высокий, широкий, ну и, конечно, покрытый мехом. Но так даже солиднее как будто. На лице (морде? полулице-полуморде?) полоска белой шерсти, которая идет от носа и уходит за голову. В целом, на любителя, но фанаты фурри оценили бы. Интересно, а что сзади? У барсуков вроде есть хвост?

Зато теперь я знаю, насколько широко могут открываться глаза Ватанабэ сенсея. Они, оказывается, карие, с янтарными ободками вокруг зрачка и по краю радужки. Красиво так-то.

Через несколько секунд мы, оборотень и человек по ту сторону зеркала, поменялись местами. Это повторилось еще пару раз, пока учитель не оттащил меня от зеркала. Потом он поставил меня обратно к зеркалу и оттащил уже в форме человека. Я не запомнил, когда и какой стороной вешать амулет, поэтому нам не сразу удалось запечатать меня человеком. Я же говорил, что сложно это все.

- Я знал! Я так и знал! Знал же! Ну точно знал! - воодушевленно восклицал Ватанабэ сенсей.

- Почему столько радости вместо страха или хотя бы недоумения? - спросил я.

- Потому что ты вон какой красавец! - расхохотался он, - таких я только в книгах видел. Барсуки-оборотни - редкость. Сплошь тануки² да кицунэ³. И один бакэнэко⁴ у нас тут есть. А тут ты, мудзина. Чем не повод для радости?

- Не помню, чтобы вы с моим дедом были близки. Как вы узнали?

- Кулон у тебя на шее интересный, - ткнул в него учитель, - непростые на нем знаки, Тэцу, древние, я похожие в свитках видел. А в поле, что через дорогу от вашего дома, осталось много энергии демонической. Так и догадался.

Похоже, устройство этого заваленного рисом мира глубже, чем кажется.

Неожиданно что-то громко ударилось об открытую створку окна. Только мы с учителем обернулись на шум, как со второй попытки... потрепанный гибрид белки и летучей мыши залетел внутрь и начал хаотично крушить кабинет. Ватанабэ сенсей схватил папку со стола и стал отгонять от себя существо. Я, прикрыв голову руками, полз под стол, когда услышал крик учителя:

- Ты чего ждешь? Жри его!

Я вопросительно посмотрел на него в ответ.

- Амулет только переверни, а то не поймашь, - добавил сенсей.

Я растерянно посмотрел на него в ответ.

- Чего тянешь? Он мне тут все разнесет! А я, между прочим, эту люстру с Китая 2 месяца ждал! - продолжал учитель.

Запас вопросительных и растерянных взглядов у меня закончился и я, зажмурившись, передел кулон другой стороной. Вскоре ко мне пришло осознание, что я, кажется, что-то очень хотел, но не понимал что, а теперь вот оно, стоит только руку протянуть. Ну я и протянул. Молниеносно протянул когтистую руку (лапу?) и на лету поймал стремное существо. А вся хтонь стремная? Сначала угорь, теперь вот это. Даже поймав, не могу понять, белка это или летучая мышь. Но это неважно, потому что я разорвал тушку, достал сердце и съел. Глядя на испаряющиеся остатки существа, я понял, что разочарован. Угорь был вкуснее.

- Это нобусума⁵, - сказал учитель, - может, слышал про то, что старая летучая мышь может стать ёкаем и в белку превращаться?

- Слышал. Спасибо деду, у меня есть все книги Ториямы Сэкиена⁶. У него на иллюстрациях она не настолько потрепанная жизнью, вот и не узнал, - пробурчал я, - Часто такое бывает?

- Нет, что ты, у нас система налаженная, без сбоев. Это ты виноват, превращался тут туда сюда, энергию генерировал. Вот нобусума, как мотылек на свет, и прилетела.

Пока я перевешивал кулон на человеческую сторону, Ватанабэ-сенсей продолжил:

- Угря, икути⁷ бестолкового, в ночь гэси⁸ сбежавшего, никто найти не мог. Хранитель наш, тануки плешивый, чтоб его, проворонил беглеца потустороннего. Он теперь уволен, так что ты его место займешь. Экзамен считай сдал. Удачно сложилось.

А потом он начал причитать:

- А поле-то как жалко! Столько труда! Нельзя было аккуратнее? Но, так и быть, прощаю, выбора у тебя не было. Но мог бы и постараться, рис, как никак, гордость нашей префектуры.

- Ватанабэ сенсей, да что вы привязались-то к этому рису? - взорвался я, - Куда ни посмотришь, везде рис! Только и слышно, рис это, рис то! Тут монстры, оборотни, границы миров! Что тут вообще происходит? У меня крыша едет, а вы все про рис?

Повисла тишина. Лицо учителя вмиг стало серьезным и он заговорил:

- Тэцу Катанамичи, ты рис-то давно рассматривал? Это не рис, это что-то типа покрывала из магической материи, которое дзигоку⁹, нижний мир, сдерживает. Но с двух метров от настоящего риса не отличишь, наши постарались. Поэтому, когда я говорю, что рис - наша гордость, я говорю о том, что мы не просто префектура, а образцово-показательная территориальная единица нижнего приграничья без единого происшествия за последние 83 года. До недавних пор, - грустно добавил он. - Всю статистику мне сбили. Пьяница тануки, чтоб его.

Похоже, смысл речей Ватанабэ сенсея о рисе оказался глубже, чем кажется.

- Иди давай, мне прибраться надо, - сказал учитель.

Я сделал пару шагов в сторону выхода, когда услышал голос Ватанабэ сенсея:

- Погоди-погоди! А с икути-то, угрем-то, сложно было?

- Дед на телефон заснял, могу показать, - пожал плечами я.

- Нравится мне твой дед, - усмехнулся сенсей, - завтра покажешь, а сейчас иди уже.

Я почти вышел из кабинета, когда в спину мне прилетело:

- Погоди-погоди! Тэцу, смотри, как могу, - улыбнулся Ватанабэ сенсей и... выпустил 7 хвостов³... кицунэ? Серьезно?!

Похоже, я увяз в этом, заваленным рисом, мире глубже, чем кажется.

¹ Мудзина - 1) старояпонское слово для обозначения барсука; 2) традиционный японский оборотень-барсук, который умеет менять облик, превращаться в людей и принимать форму «безликого призрака» (нопэрапона).

² Тануки - японские енотовидные собаки-оборотни, символизирующие счастье, удачу и финансовое благополучие.

³ Кицунэ - японская лиса-оборотень, обладающая высоким интеллектом, долголетием и магическими способностями. Чем старше и мудрее лисица, тем больше у неё хвостов - максимум до девяти.

⁴ Бакэнэко - японская кошка-оборотень, способная обретать человеческий облик и владеть магией.

⁵ Нобусума - согласно японскому фольклору, это обычные летучие мыши, которые из-за долгой жизни обретают магические силы.

⁶ Торияма Сэкиен - японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

⁷ Икути - морское чудовище из японского фольклора.

⁸ Гэси - летнее солнцестояние.

⁹ Дзигоку - японский загробный мир.

Трудоустройство

Прошло больше месяца с тех пор, как у меня появилась работа.

– Работа – это хорошо, – говорит дед, – ответственность дисциплинирует.

Как и обещал Ватанабэ сенсей, я занял место провинившегося пьяницы-тануки¹ на посту пограничного контроля. Теперь, в священные дни ритуалов и обрядов, когда граница между мирами становится тоньше, а у ёкаев² появляется возможность попасть в наш мир, я слежу за порядком у тории³ на торговой площади. Представляете, демоны из дзигоку⁴ могут вернуться в наш мир, если получают разрешение у владыки подземного мира, великого царя Эммы⁵. Тогда в чем был смысл их там запереть? И по каким критериям демонов выпускают? Как обычно, много вопросов и мало ответов.

Мне, между прочим, теперь 16. Слышал, что с возрастом жизнь становится сложнее. Последние пару месяцев заставили меня с этим согласиться.

Моя работа заключается в том, чтобы убедиться, что из-за барьера в наш мир выходит ёкай, которому это разрешено. Для этого я сравниваю его с бумагами от секретаря Эммы. Уточняю цель визита, причину смерти, дату рождения или что-то еще. Я считаю, что эта система несовершенна. Во-первых, выяснилось, что не все демоны умеют разговаривать. Те, что не умеют, обычно нечленораздельно мычат, но по интонации их не всегда можно понять. Во-вторых, вместо фотографий в документах иллюстрации Ториямы Сэкиена⁶. Оказалось, что они не всегда соответствуют действительности. Интересно, это потому что он ёкаев рисовал с чужих слов или потому что намеренно пытался сделать их визуально приятнее? В итоге непрактично получилось.

Ватанабэ сенсей выделил мне помощника. Цутому – мой ровесник. Обычно он следит за тем, чтобы в ворота не залетала мелкая нечисть вроде нобусумы⁷ – летучей белкомыши. Вообще-то определенное количество маленьких и не слишком злобных ёкаев в человеческом мире допустимо, но есть лимит, который превышать нельзя. Но за это можно не беспокоиться, мой помощник отлично управляется с магическим сачком.

Цутому парень добрый. Старательный, чего не скажешь обо мне. Нечисть гоняет, контролирует, чтобы в очереди хтонь не дралась. Мне подсказывает всякое. Даже успевает за чистой следить. Я как-то спросил его, почему он так надрыгается?

– А я монахом хочу стать, – гордо расправил он плечи, – буду с такими, – кивнул он в сторону ворот, – сражаться, чтобы людей защищать.

– Тогда что ты здесь делаешь? На монахов вроде в другом месте учат. Или они проходят курсы по повышению квалификации на границе миров?

– Знай своего врага в лицо – слышал такое? – с горящими глазами спросил он.

– Ты же сам ёкай и работаешь с такими же?

Цутому зажмурился и на его голове появились округлые черные уши, а из-за спины показался полосатый хвост.

– Это все, что во мне есть от ёкая. У меня мама – тануки⁸, а отец – человек. Но я не могу принять это как должное. Несправедливо, когда люди от нечисти страдают. Они же даже постоять за себя не могут!

Я, прямо-таки, удивлен. Мой помощник продолжил:

– Ты же оборотень, да? Я видел, как пару недель назад ты каппу⁹, который пытался через ворота без разрешения проскочить, разорвал. Еще и сердце съел.

– По твоей логике, я доброе дело сделал. Минус один злобный дух. – ответил я, пожав плечами.

– А ты хотел доброе дело сделать? Или выполнял свою работу? А, может, ты даже ждал момента, когда сможешь выпустить на свободу своего оборотня? – с укором во взгляде спросил Цутому.

Неприятно, знаете ли. Я это не выбирал. И что должна представлять из себя мораль с поправкой на то, что ты оборотень?

– Моя работа предполагает и что-то полезное, и возможность быть оборотнем. Сейчас мне этого достаточно, – твердо ответил я.

Цутому посмотрел на меня разочарованным взглядом и пошел разнимать бакэнэко¹⁰ и кицунэ¹¹, дерущихся в очереди.

Наступил Обон¹². Три ночи, когда души усопших могут навестить своих родных в мире людей. Бесконечное количество духов в очереди на выход. Мне сегодня помогает сам секретарь царя Эммы.

Оставалось совсем немного до конца последней ночи Обона. Душ у барьера уже почти не было. Я отпустил Цутому и остался один.

Передо мной за барьером появилась девушка, у которой не было разрешения на выход. Черные волосы почти до плеч, челка практически закрывает глаза. Одежда обычная, современная, значит, духу явно не двести лет. Давила она сильно. Сначала утверждала, что в моих бумагах ошибка. Потом давила на жалость, рассказывала про любящую семью, которая ее ждет. Потом про маленького братика, который очень расстроится. Далее она возмущалась, мол, как я посмел принять ее за злобного нарушителя законов пограничья, ведь по ней же видно, что она честная и приличная. Это, конечно, видно, но верить ребятам из подземного мира плохая идея. После она пыталась расплакаться, а когда у нее не получилось, не выдержала, глаза девушки наполнились решимостью, она пробежала через барьер и пронеслась мимо меня. Серьезно?! Смело, конечно, но я передел кулон на другую сторону, обратился в мудзина и нагнал ее через минуту. Ничего съедобного я в ней не почувствовал, поэтому, схватив за плечо, выволок ее обратно за барьер. Почему у нее несъедобное сердце?

Девушка не ушла. Упрямая. Она села на землю, сложила руки на груди и обиженно смотрела то на землю перед собой, то на меня. Чувства жалости во мне не случилось.

– Мое место не здесь, – твердо сказала она. – Это ошибка. Я должна помочь одному человеку, я обещала. Ты же знаешь, что люди слабые? Им разве что стойкость духа помогает, да и та есть не у всех. Все равно этого никогда не бывает достаточно.

Дух из дзигоку и сострадание к людям? Цутому бы оценил. Сейчас я видимо должен задуматься о своих моральных принципах? Ну так я и задумался.

– Эй, оборотень, – голос девушки отвлек меня от мыслей, – зачем тебе амулет? Ты через него превращаешься, да?

– Слушай, иди уже отсюда.

– А сам не умеешь? – усмехнулась она.

– Есть у меня ощущение, что это не твое дело, – пробурчал я.

– В подземном мире есть монах. – продолжила девушка, – То есть он был монахом при жизни. Иронично, да? Монах и в дзигоку. Все потому что он в какой-то момент жизни помещался на оборотнях и теперь утверждает, что знает о них все. Видимо не врет, раз к нему бесконечная очередь оборотней с разными проблемами.

– Ага, – равнодушно выдал я.

Когда до восхода солнца оставалось где-то полчаса, я спросил девушку:

– Говоришь, есть документы, которые разрешают тебе выйти?

– Есть. В подземной канцелярии. То, что они до тебя не дошли, явно ошибка, – немного оживилась она.

Моя смена как раз заканчивается, я знаком с секретарем царя Эммы и могу свободно перемещаться между мирами. Правда, разрешение мне тоже нужно. Но на этой тории с другой стороны нет охраны, а значит, можно обойтись без формальностей. Да и девушка действительно с виду вполне безобидная. Внизу может и поесть перепадет. Мне можно безнаказанно сожрать кого-нибудь в подземном мире? Спуститься вниз – это будет маленькая или большая шалость?

Я хочу встретиться с монахом.

– Пошли, – сказал я, проходя через ворота на другую сторону барьера, – найдем твое разрешение. А ты отведешь меня к монаху.

– Да! – девушка решительно вскочила на ноги.

Мы пошли прочь от ворот в сторону подземного мира. Пейзаж вокруг становился мрачнее, а рисовые поля заменялись выжженной землей, уходящей во тьму, за которой не было видно горизонта. Луна стала красной.

Я здесь впервые, поэтому мне не оставалось ничего, кроме как довериться своей спутнице. Она все-таки странная. Интересно, кто тот человек, к которому девушка так рвется? Знала же, что попытка сбежать из дзигоку наказывается исчезновением из всех миров, и все равно побежала. Я тоже хорош, должен был избавиться от нее тогда, но теперь плетусь за незнакомой девушкой в неизвестность. Кто ж виноват, что она несъедобная.

– Звать тебя как? – нарушил я тишину.

– Рин. А тебя? – сдержанно ответила она.

– Тэцу.

– Ты какой-то гибрид тануки? Не обижайся, просто оборотнем ты скорее барсук, чем енот. – вопросительно посмотрела на меня Рин.

– Может, это потому что я – мудзина, оборотень-барсук? – надеюсь, звучало не слишком обиженно.

– Ого, да видовое разнообразие оборотней поражает, – ухмыльнулась она. – А есть оборотни-ежи? Или оборотни-коровы? А то тут я только тануки, кицунэ и бакэнэко видела.

И что мне ответить? Я сам не больше неё знаю. В этом мире как будто все возможно. Не удивлюсь, если есть оборотень-человек, который превращается из одного человека в другого.

Некоторое время мы шли молча, но потом мое любопытство победило:

– А лет тебе...

– 20, – не дала она мне договорить.

– Как давно ты... ну, здесь? – осторожно спросил я, а то ж некоторые духи считают, что такие вопросы задавать неприлично.

– Я покинула тот, – она показала пальцем наверх, – мир за месяц до Обона. Это давно или недавно?

– А мне 16 исполнилось за месяц до Обона. – уже тише продолжил я. – Как так вышло, что ты... ну, здесь?

– А вот это уже не твое дело, – почти грубо ответила мне Рин.

Дальше мы снова шли молча. По пути нам попадались остатки человеческой цивилизации, как деревенской, так и городской. Здесь были традиционные дома из прошлого века вперемишку с современными многоэтажками, какие я только по телевизору видел. В битых стеклах устрашающе отражалась луна. В целом, достаточно атмосферно. Иногда нам встречались ёкаи. Парочку из них я не узнал. Значит, Торияма Сэкиен врал, когда утверждал, что описал всю японскую нечисть.

Мы разделились, когда Рин привела меня к почти разрушенному храму, где живет нужный мне монах, а сама пошла в администрацию царя Эммы.

Я был уверен, что за последние месяцы своей жизни уже утратил способность нервничать. Но сейчас я трясся как осиновый лист, не в силах заставить себя сделать шаг, чтобы войти в храмовые ворота. Я чувствовал, что это окончательно разделит мою жизнь на “до” и “после”. Бесповоротно. Меня не очень радовала моя жизнь “до”, меня не очень радует моя жизнь сейчас, и, я почти уверен, меня не будет радовать моя жизнь “после”. Тогда почему я здесь? Это все дед со своим “на одном месте даже страдать скучно”. Факт наличия у себя проблеска надежды на лучшее будущее я признать не готов.

Я все еще был погружен в свои мысли, когда в меня влетела туша ёкая. Каппы. Он повалил меня на землю, схватил за шиворот и начал орать прямо в лицо:

– Это ты! Ты! Убийца! Да как ты мог! Убийца! Убийца! Убийца!

Удивил, тоже мне. А то они тут, ёкаи, не убийцы. Рядом показались еще три демона. Каппа отвлекся, и мне удалось вывернуться из его хватки. Я сделал пару шагов, споткнулся, еле удержался, чтобы не упасть, и на ходу передел амулет на нужную сторону. Я стал оборотнем, а каппа в это время кричал остальным, что я его брата жестоко убил и сердце съел. Ну было такое. А то они тут, ёкаи, не жестокие. Я вообще-то работу свою делал. Неужели у ёкаев могут быть родственники?

Один из тех трех духов тоже был каппой. Двое других – тэнгу¹³ и тануки. А тануки-то действительно много развелось. Оказалось, эти четверо настолько хорошие друзья, что уже вместе окружают меня со всех сторон. Дружба между ёкаями? Вот это конечно уровень социализации у них здесь, царь Эмма молодец, не иначе. Да ладно, демоны в большинстве своем сожрать друг друга готовы, а тут поддержка и доверие?

Завязалась драка. Каппы одновременно побежали на меня с разных сторон, тэнгу расправил крылья, чтобы взлететь, а тануки достал телефон и начал снимать. Как давно в дзигоку есть интернет? Я рванул вправо, толкнул каппу, от чего тот упал на землю. Второй каппа налетел на меня и повалил нас обоих. Мы втроем ворочались на земле, неуклюже пытаясь драться, когда у меня получилось схватить их за шею: одного правой рукой, другого левой. Я не придумал ничего лучше, чем продолжать сдавливать им шеи, пока не услышал хруст сначала с одной стороны, потом с другой. В этот момент тэнгу в полете с ужасом в глазах завис в метре от меня и дал заднюю. Я сел на землю, отдышался, посмотрел на две зеленые туши и, не пропадать же добру... Ну, хоть поел. Кстати, угорь в моем рейтинге все еще самый вкусный.

Когда я закончил, тэнгу и тануки уже не было. Зато были монах и Рин. Монах был в восторге, Рин была в ужасе. Никто из нас не успел и слова сказать, как икути¹⁴, не бюджетный угорь, а действительно монстр длиной метров в сто, с телом змеи и драконьей мордой, окольцевал нас с Рин своим телом и потащил, как оказалось, к барьеру.

У ворот барьера стоял Ватанабэ сенсей. Серьезный и разочарованный.

– У меня есть разрешение, – Рин протянула лист бумаги.

– Иди – учитель ознакомился и кивнул в сторону человеческого мира.

Девушка прошла через ворота. Я пошел за ней, но Ватанабэ сенсей остановил меня, положив ладонь на грудь.

– Ты остаешься.

¹ Тануки – японские енотовидные собаки-оборотни, символизирующие счастье, удачу и финансовое благополучие.

² Ёкаи – сверхъестественные существа в японской мифологии.

³ Тории – это традиционные японские П-образные ворота без створок. Обозначают границу между обычным земным миром и священным, сакральным пространством.

⁴ Дзигоку – японский загробный мир.

⁵ Царь Эмма – в японской мифологии и буддизме верховный бог, властелин и судья мертвых, правящий подземным адом Дзигоку.

⁶Торияма Сэкиен – японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

⁷Нобусума – согласно японскому фольклору, это обычные летучие мыши, которые из-за долгой жизни обретают магические силы.

⁸Тануки – японские енотовидные собаки-оборотни, символизирующие счастье, удачу и финансовое благополучие.

⁹Каппа – это водяной дух из японской мифологии, напоминающий помесь человека, лягушки и черепахи.

¹⁰Бакэнэко – японская кошка-оборотень, способная обретать человеческий облик и владеть магией.

¹¹Кицунэ – японская лиса-оборотень, обладающая высоким интеллектом, долголетием и магическими способностями. Чем старше и мудрее лисица, тем больше у неё хвостов – максимум до девяти.

¹²Обон – буддийский праздник, когда души предков возвращаются в мир живых. В это время грань исчезает, и проводятся церемонии, помогающие духам.

¹³Тэнгу – существа с птичьими чертами лица или длинными носами, властвующие над ветром.

¹⁴Икути – морское чудовище из японского фольклора.

Новый мир

Устраиваясь на работу, внимательно прочитайте трудовой договор. Дочитайте его до конца и не забудьте про сноски мелким текстом. Задавайте уточняющие вопросы, а в процессе обсуждения делайте пометки. “Твоя ответственность – залог твоего же благополучия” – говорил дед. Получается, был прав.

Если вы представляете подземный мир как уходящую вдаль бесконечность котлов с орущими в кипятке грешниками, я вас разочарую. Тут своеобразная, но цивилизация. Например, есть курсы по развитию социальных навыков у ёкаев. Говорят, сертификат об их прохождении дает плюс к получению разрешения для выхода в человеческий мир. Котлы тут, конечно, тоже есть, куда без них, но об этом позже.

Подземный мир, он же дзигоку¹, он же ад, – зона ответственности великого царя Эммы. Он – главный судья, а помогает ему свита, состоящая из демонов бони², армия, тоже состоящая из демонов бони, и секретарь-заместитель, конечно же, демон бони. А еще владыка ада, почему-то, питает слабость к демонам с лошадиными головами, которые удостоились чести встречать умершие души. Мне кажется, что пара демонов с лошадиными головами на входе – это не лучший способ создать хорошее впечатление о локации. В целом, разной нечисти тут столько, что, похоже, Торияма Сэкиен³ не знал и половины.

Не зная о существовании царя Эммы, я был бы уверен, что всем тут заправляет Ходзуки, его заместитель. Высший демон, который стал таким после того, как его принесли в жертву жители родной деревни. Неудивительно, что теперь он хладнокровный, помешанный на контроле и все равно всегда недовольный.

Из достопримечательностей здесь есть река, по которой нескончаемым потоком проплывают горящие свечи. Когда кто-то из кровных родственников духа в мире живых зажигает свечу в его память, она оказывается здесь.

Говорят, что можно почувствовать свечу, которую зажгли для тебя. Поэтому на берегу всегда кто-то есть. Те, кто здесь недавно, в надежде ощутить поддержку своих родных, не уходят даже ночью. Слышал, через несколько лет это проходит. Как-то раз, после особенно разрушительного цунами, к нам попало больше сотни душ одновременно. Некоторое время у реки было не протолкнуться.

Ждать мне здесь нечего, но вид красивый. Иногда я прихожу сюда один. Но чаще компанию мне составляет монах, который “Я сделаю из тебя настоящего оборотня, Тэцу”. И, реже, – 326-летний кицунэ⁴, профессор философии, который съел студента за то, что тот назвал Пауло Коэльо философом. Порой он – невероятный зануда. Познавательное, конечно, но порой совершенно нет настроения слушать его рассуждения о том, как концепт ваби-саби⁵ вписывается в кайдзен⁶, и насколько допустимо держать в местной библиотеке “Будосёсинсю”⁷ Юдзана Дайдодзи, если путь нравственности для него – это путь к воинской доблести, а концепция перевоспитания грешников как будто бы подразумевает мирную направленность. Я прочитал. Действительно, а допустимо ли?

Несколько раз я встречал на берегу реки тануки⁸, у которого при жизни была огромная семья, штук 5 детей, штук 15 внуков и штук 30 правнуков. Поэтому он до сих пор исправно получает приветы из мира людей в виде свечей. Может, и завидую, и что?

– Как это ощущается? Как ты понимаешь, что свеча горит для тебя? – как то спросил я его.

– Дак она сама зовет, – пожал он плечами, – надо внимательнее присмотреться, – кивнул он в сторону реки, – и вот уже все тело пронизывает настолько яркое тепло, как будто ты сейчас сам начнешь светиться и греть окружающих, – по-доброму улыбнулся он.

Однажды я это почувствовал. Сидел на берегу и бездумно смотрел на проплывающие мимо еле различимо колышущиеся языки пламени. На секунду мне показалось, что если буду смотреть достаточно долго, смогу в них раствориться. День тогда выдался тоскливый. Я думал, каково это, чувствовать, что тебя помнят. Убедиться, что жизнь наверху не была сном. Я изо всех сил старался представить это, по словам тануки, пронизывающее тепло и, вроде бы, у меня получилось. Почему бы не верить в то, что это было правдой?

Монах, помешанный на оборотнях, нашел меня сам. Он действительно помогает демонам. Иногда принудительно, если те ставят под угрозу имидж порядочных обитателей подземного мира. Даже помощник секретаря Эммы ходит к нему на гештальт-терапию. Учитывая, что я знаю о Ходзуки, это неудивительно.

Ни разу не праведный монах чувствует себя здесь как дома и не жалеет о своем нынешнем положении. Цутому бы не оценил.

– Я тебя тогда у храма сразу узнал. Как ты там этих капп... ух! Сильный вырос. До сих пор, кстати, помимо тебя, ни одного мудзина не встречал. Ты – прям редкость, поэтому я тогда и помочь-то толком твоему деду не сумел, не знал ничего. Зато после еще усерднее стал изучать книги дзигоку. Как дед-то, кстати? Смотрю, кулон носишь еще. Стало быть, работает? Теперь-то я могу нормально помочь. – тараторил монах, – Я здесь... лет 10 может, не помню точно. Столько интересного тут, что не замечаю, как время проходит. Хорошо, что у меня его тут еще вечность. Знай я заранее, что профессионально реализуюсь в подземном мире, раньше бы сюда перебрался, – он все не мог остановиться. – Научить тебя быть оборотнем?

С монахом я подружился. В нем жизнерадостности больше, чем во всех обитателях дзигоку вместе взятых, хотя он и сам мертв. Дед бы с ним подружился.

Суд царя Эммы долго не мог определиться, какой из кругов ада мне положен за нарушение законов пограничья между мирами, повлекшее полное исчезновение двух демонов, искупающих свои грехи, работая уборщиками во благо подземного общества. Вообще кругов всего 16, половина горячие, половина холодные. Мне в итоге достался Токацу, говорят, самый мягкий. Всего-то стальные когти и раскаленные прутья. В форме оборотня почти терпимо. Иногда.

Я посещал Токацу с 8 утра до 5 вечера, с перерывом на обед. У ёкаев тоже трудовой кодекс. Один демон-мучитель рассказал, что они месяц бастовали, чтобы добиться своего. Целый месяц холодных котлов, немыслимо! Остальное время можно посвящать рефлексии относительно причин своего здесь пребывания. Или ходить в библиотеку.

Мне было довольно просто принять мир с новой разблокированной локацией под названием “дзигоку”. Но мне видимо еще есть куда стремиться, ведь существует третий – небесный мир с высшими богами ками⁸. Но надо жить в настоящем, верно?

– Настоящий мир есть только один, – говорил монах, – и это мир живых. А дзигоку, подземный мир, – это порог, через который ты можешь пройти, чтобы уснуть навсегда. А можешь развернуться и пойти обратно. И у тебя есть вечность для этого. Надо всего-то отстрадать за свои грехи, вести себя хорошо и, в твоём случае, не жрать здесь других ёкаев.

Интересно, а это можно считать каннибализмом?

Он продолжил:

– Вот смотри, с “правильной” точки зрения устройства миров, ты – ёкай и ад – это твоё естественная среда обитания. Но в современном мире со свободными взглядами на самоопределение, если ты чувствуешь себя здесь чужим...

– Я не чувствую себя здесь чужим, – прервал я монаха и, чуть тише, продолжил, – но и своим не чувствую. Я, в принципе, почти ничего не чувствую.

Подходит к концу третья ночь Обона⁹. Я стою в немногочисленной очереди к тории – барьеру, за которым находится мир живых.

Мне 22.

¹ Дзигоку – японский загробный мир.

² Они – большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в дзигоку, японском аналоге ада.

³ Торияма Сэкиен – японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

⁴ Кицунэ – японская лиса-оборотень, обладающая высоким интеллектом, долголетием и магическими способностями. Чем старше и мудрее лисица, тем больше у неё хвостов – максимум до девяти.

⁵ Ваби-саби – это японская эстетика, основанная на принятии естественной неповторимости вещей, уважении к их старению и стремлении к простоте.

⁶ Кайдзен – японская философия или практика, которая фокусируется на непрерывном совершенствовании процессов производства, разработки, вспомогательных бизнес-процессов и управления, а также всех аспектов жизни.

⁷ “Будосёсинсю” – работа Юдзана Дайдодзи, дословно переводится как «Напутствие вступающему на путь воина». Дайдодзи был выходцем из самурайского клана, убеждённым конфуцианцем и знатоком военного дела.

⁸ Ками – духовные сущности, боги или священные духи в синтоизме.

⁹ Обон – буддийский праздник, когда души предков возвращаются в мир живых. В это время грань исчезает, и проводятся церемонии, помогающие духам.

¹⁰ Токацу – «Ад Воскрешения» в японской мифологии. Предназначен для убийц, где они вынуждены терпеть избиения от демонов и раз за разом воскресать, чтобы снова подвергнуться истязаниям.

Рефлексия на луну

Никогда бы не подумал, что буду рад видеть рисовые поля. Пусть и ненастоящие. Рис, рис и еще раз рис. За 6 лет ничего не изменилось, будто время здесь так и не сдвинулось с места.

Дед минуту смотрел на меня, а потом заговорил:

– Чего не предупредил? Я бы красную рыбу купил¹. А вдруг бы я уехал куда? Староста вот звонил, хочет в го² отыгаться. Представляешь, совсем играть не умеет, я ему даже поддаюсь иногда. – вытирая рукавом влажные от слез глаза, договорил он.

Дед был рад. Я был рад. Кажется, я несколько дней только и делал, что неотрывно смотрел, как он занимается своими делами. Оказывается, я скучал сильнее, чем думал.

Я навестил Ватанабэ сенсея. Он удивительно спокойно отреагировал на мое появление.

– Тэцу Катанамичи! А ты подрос! Зачем пожаловал?

– Извиниться.

Учитель окинул меня оценивающим взглядом и заговорил:

– Прощаю. Но я извиняться не буду, ты сам виноват. Что дальше делать будешь? Слушай, у меня в городе друг есть, – продолжил Ватанабэ сенсей, – у него ресторан свой, там всегда нужны рабочие руки. Возьми вот, – дал он мне визитку, – он хороший парень, из наших. Тоже тут раньше жил, но не выдержал, надоело, говорит, рис да рис вокруг, ничего кроме риса. Есть у вас что-то общее.

Прозвенел звонок. Учитель схватил бумаги со стола и поспешил в сторону классов.

– Удачи, оборотень-барсук. Я в тебя верю! Ну, я побежал, урок начался. И не ешь всех подряд! – услышал я отдаляющийся голос Ватанабэ сенсея из коридора.

– Постараюсь. – ухмыльнувшись, кинул я ему вслед.

Я передал деду привет от, теперь подземного, монаха.

– Это который с амулетом помог? – ткнул он пальцем в сторону кулона. – Ушел он все-таки к своим духам, получается?

– Ага. Чему очень рад. – ответил я.

– А кулон...

– Уже не нужен. – не дал я ему договорить. – Но он мне нравится. Всю жизнь дрался за него, помнишь же.

Пейзаж через дорогу от нашего дома снова выглядит идеальным. Молодые побеги риса в затопленном поле и полная луна в небе. Я стоял и смотрел на свою тень, падающую на воду и сливающуюся с отражением луны. Возможно, я хотел почувствовать что-то сентиментальное, ведь здесь все началось, но, не успел я потеряться в своих мыслях, как лягушка, громко свалившись в воду где-то в тростнике, испортила драматичность момента.

Дед какое-то время ходил, смотрел на меня и вздыхал, а потом не выдержал:

– Ты уедешь, да?

Похоже он понял, что я все не решался начать этот разговор первым.

– Сам говорил, на одном месте даже страдать скучно, – пожал я плечами, отводя взгляд.

– С тобой поеду, – решительно сказал дед.

– Нет, – приглушенным голосом ответил я.

Уходить в подземный мир было проще. Тогда у меня не было возможности попрощаться. А прощаться, как оказалось, тяжело.

Как часто вы ходите в книжные магазины? Раз в несколько месяцев? Раз в год? Не переживайте, вы не одни такие, поэтому большую часть моего рабочего дня занимает чтение. Ну и бред эти ваши “Сумерки”.

Вообще-то, у меня, помимо визитки с номером владельца ресторана от сенсея, была бумажка от моего личного мучителя, демона *они*³. Столько времени вместе провели, как тут было не подружиться. Там был адрес охранного предприятия, где оборотням, по его словам, всегда рады. Ёкаи-то⁴ получается мастера маскировки. Как удобно иметь возможность принимать человеческий облик. Вот у угря-икути⁵ не получилось бы слиться с внешним миром. Разве что прикинуться анакондой в Амазонке.

Еще у меня была наводка от 326-летнего *кицунэ*⁶:

– В гуманитарном университете есть кафедра философии и культурологии. Там лучшие умы страны собрались. – хвастался он. – Ты думаешь, почему они лучшие? Потому что им сотни лет. За это время все 800 страниц «Критики чистого разума»⁷ можно наизусть выучить. Кант-то, кстати, *тэнгу*⁸ был. – добавил он. – Скажи им, что ты от *кицунэ*, который Пауло Коэльо не любит. Соображаешь ты хорошо, как минимум в архиве точно пригодишься.

Но, вот он я, в книжном магазине с огромным количеством книг разной степени древности и огромным количеством пыли. Собеседование я прошел без проблем, спасибо библиотеке ада и, конечно, *кицунэ* философу. Мои размышления о ваби-саби⁹ в контексте *кайдзена*¹⁰ оценили по достоинству.

Тут довольно скучно. Из интересного был один студент, писал диплом по японскому фольклору, часто приходил поискать старые книги по теме. Он был в диком восторге, когда нашел второе, дополненное, издание *бестиария Ториямы Сэкиена*¹¹. Я не стал говорить, что его сборник нечисти довольно скуден, а иллюстрации не всегда правдивые. Вряд ли студенту представится случай разочароваться, поэтому пусть радуется. А еще я ему пару раз подсказал всякого, дак он принес мне свои черновики на проверку. Я б за такое диплом не дал.

Как-то раз, потерявшийся в своих мыслях, я выходил из магазина и практически врезался в двух девушек, которые, судя по офисной одежде и состоянию, праздновали окончание рабочей недели.

– Эй, смотри, куда идешь! – закричала на меня одна из них.

– Да тише ты, – успокаивала ее вторая. – Простите, нам тоже стоило смотреть по сторонам, – она улыбалась, не отводя взгляд, пока подруга не утянула ее за собой.

Что-то обсуждая и громко смеясь, они пошли дальше. А у меня, между прочим, яйца в пакете. Повезло, что не разбил.

Только девушки скрылись за поворотом, как меня чуть не сшиб мужик, который, похоже, очень торопился. Да так торопился, что, выходя из дома, не глядя схватил и надел первое, что было на вешалке. Пальто в +20, серьезно? Вдруг он споткнулся, и из-под пальто вывалился кошачий хвост. А через пару шагов еще один кошачий хвост.

Неужели нэкомата¹²? По идее, это бакэнэко¹³ в максимальной комплектации с бонусом в виде некромантии. Коты-оборотни обычно довольно умные, чтобы охотиться вот так, в открытую. Тем более, за такую самостоятельность в дзигоку ссылают. Я пытался понять, показалось мне или нет, когда услышал крик. А потом к нему присоединился второй. А потом третий. Зачем демон орет на своих жертв в ответ?

Ого, да это же классический злачный переулочек! В это время нэкомата одну девушку душил хвостами, а вторую пытался удержать когтями. Желтые глаза бегали от одной жертвы к другой, сам он выглядел нервным то ли от предвкушения, то ли от страха быть пойманным. Неужели настолько голодный?

Я, уже в форме оборотня, схватил и потянул его за хвост. Тот размотался с шеи девушки, уже лежащей без сознания. Ёкай от неожиданности отпустил вторую жертву, и та, оценив глазами происходящее, в ужасе убежала. Растерявшись, злобный кот обернул хвостом мою руку. Длины аж на два оборота хватило. Он добавил второй хвост, когда понял, что одним меня удержать не может. Выяснилось, что и двумя не может. Он потянулся к пожарной лестнице, когда я дернул его за хвосты и отбросил назад. Приземлился он почти на лапы, почти как положено коту.

– Это нейтральная территория. Не мешай! – прошипел он. – Делиться не буду, из-за тебя половина ужина уже пропала, – недовольно фыркнул нэкомата и побежал, как я думал, в мою сторону, но в последний момент он свернул и все же запрыгнул на пожарную лестницу, шустро карабкаясь выше. Я сделал несколько шагов назад, разбежался, оттолкнулся от земли и в два прыжка нагнал его на лестнице. Поймав теперь за холку, я отбросил ёкай в сторону мусорного бака. Видимо, с высоты полет был неприятным, поэтому, нехило ударившись о мусорный бак, он упал на четвереньки и закашлялся. Надеюсь, он сейчас не сдохнет, я обратно вниз не хочу. Демон все не мог перестать кашлять, как... фу... его вырвало комком шерсти. Да ладно? Похоже, кот он и в форме нэкомата кот.

И тут сбежавшая девушка вернулась с палкой наперевес и с криком «А ну иди сюда, скотина!» побежала на нэкомата.

– Сейчас я тебе покажу! – раздался глухой звук удара. – Вот, получай! – еще несколько ударов. – Щас так отделаю тебя, будешь знать, как портить девушкам вечер пятницы!

Звуки ударов и голоса чередовались со страдальческими стонами и повизгиваниями демона. А вы говорите ёкаи жестокие.

– Хватит, сейчас полиция приедет, – слышался голос второй девушки, пытавшейся уговорить подругу. Очнувшись, значит.

Ну, сожрать этого нэкомата мне нельзя, а значит, дальше пусть сами разбираются. Удачно сложилось, что жертвы навеселе. Завтра их мысли будут заняты только тем, насколько коррелирует количество выпитого этим вечером с качеством памяти.

Яйца не смогли пережить такой поворот событий, а магазин уже закрылся. Настроение испортилось. Не сердце нэкомата, так хоть омлет бы был. Но нет, два раза за час поесть обломали.

Домой идти не хотелось, поэтому я двинулся в сторону набережной. Река без свечей ощущается непривычно. Неуютно. Как будто никто ни о ком не думает. Хотя, городу это подходит.

Я снова смотрел, как моя тень на воде сливается с отражением луны. Один китайский поэт в своих стихах от одиночества пригласил к себе за стол луну, после чего его собственная тень присоединилась к застолью¹⁴. Мне подходит.

¹ День совершеннолетия – 20-летние молодые люди отмечают праздник, поедая крабовые блюда и красную рыбу, так как красный цвет в Японии – это цвет праздника и удачи.

² Го – древняя стратегическая игра, цель которой – захватить большую часть доски, окружая камнями фигуры соперника.

³ Они – большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в дзигоку, японском аналоге ада.

⁴ Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

⁵ Икути – морское чудовище из японского фольклора.

⁶ Кицунэ – японское мифическое существо, лисица, обладающая сверхъестественными способностями. Может принимать облик людей.

⁷ «Критика чистого разума» – это фундаментальный философский труд Иммануила Канта, опубликованный в 1781 году. В нем мыслитель исследует познавательные способности человека, определяет границы того, что мы можем знать, и отделяет разум от опыта.

⁸ Тэнгу – существа с птичьими чертами лица или длинными носами, властвующие над ветром.

⁹ Ваби-саби – это японская эстетика, основанная на принятии естественной неповторимости вещей, уважении к их старению и стремлении к простоте.

¹⁰ Кайдзен – японская философия или практика, которая фокусируется на непрерывном совершенствовании процессов производства, разработки, вспомогательных бизнес-процессов и управления, а также всех аспектов жизни.

¹¹ Торияма Сэкиен – японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

¹² Нэкомата – самый опасный тип бакэнэко, и физически они отличаются тем, что у них два хвоста. Это бакэнэко, которые прожили дольше всех, обладают наибольшей мудростью, силой, а также являются самыми злобными. Они устраивают большие пожары, чтобы уничтожить города и поселки, убивая множество людей, а потом контролируют трупы, поработав их.

¹³ Бакэнэко – японская кошка-оборотень, способная обретать человеческий облик и владеть магией.

¹⁴ «В одиночестве пью под луной» – стихотворение поэта Ли Бо эпохи Тан. В нем лирический герой, чувствуя себя оторванным от людей, обращается к луне и собственной тени.

Красивая женщина боится огня

Я выставлял книги на стеллаж, успешно игнорируя как саму пыль, лежащую тут отчетливо видимым слоем, так и мысли о необходимости от нее избавиться. Услышав, что открылась дверь, я вышел в зал. Даже ничего не разгромил по пути, что редкость, учитывая, сколько тут пирамид и других шедевров архитектуры из беспорядочно сложенных друг на друга книг.

– Привет! – раздалось мне навстречу.

Передо мной стояла и улыбалась одна из девушек, чуть не ставших жертвами нэкомата¹⁰. На этот раз она была в повседневной одежде, с распущенными волосами вместо пучка и лого-типом Bring Me the Horizon¹ на чехле телефона.

– Я этой дорогой с работы возвращаюсь, – продолжила она, – видела пару раз, как ты магазин закрывал. Это же в тебя мы тогда с подругой чуть не врезались, да?

– Твоя подруга считает, что это я в вас чуть не врезался, – усмехнувшись, ответил я.

– Не принимай на свой счет, она готова даже подражаться, лишь бы не признавать себя виноватой, – рассмеялась девушка.

– Ищешь книгу?

– Точно! То есть нет, не книгу. Пойдешь со мной на фестиваль? Он пару часов назад начался, тут недалеко. Рабочий день почти закончился, а там фейерверки обещают. Что скажешь?

Фестиваль был в парке неподалеку. Много людей, много шума, много еды и много развлечений. Над аллеями, заполненными прилавками с едой, растягивались гирлянды из цветных флажков и лампочек. Вперемешку с современными декорациями, встречались расписанные фусума² и разных форм норэн³, и, конечно же, куда без традиционных бумажных фонарей.

Обойдя практически весь парк, мы с Химари, так звали мою новую знакомую, решили взять еще еды и съесть ее уже в менее людном месте. Свободная скамейка нашлась в конце главной аллеи. Мы болтали, смеялись, ели. Я узнал, что Химари работает помощником у секретаря директора небольшой строительной компании.

– Я тебе точно говорю, – эмоционально рассказывала она о своем начальстве, – он только прикидывается человеком, а сам – демон! Видимо, посланный меня мучить за то, что я в садике дралась. Или за украденную в магазине шоколадку. Или за то, что родителям врала. И сейчас вру. Да ты хоть знаешь, сколько я гадостей о себе вспомнила, чтобы заставить себя терпеть его хотя бы под предлогом кары небесной? – наигранно нахмурилась она.

– Хладнокровный, помешанный на контроле и, все равно, всегда недовольный? – с улыбкой спросил я, на что она начала активно кивать, – его случайно не Ходзуки зовут?

– Нееееееет, – тянула она.

– А ты представь, что он действительно демон. И стал таким после того, как его принесли в жертву жители его же родной деревни.

– А знаешь, это многое бы объяснило, – рассмеялась она.

Время шло незаметно. Когда стемнело, и 500 мл колы, 300 мл айс-кофе и 400 мл бабл-ти закончились, мы решили, что пришло время лимонада из юдзу⁴. Я подходил к палатке с

напитками, когда увидел, что на одном из традиционных бумажных фонарей, висящих над прилавком с якисобой⁵, появился глаз. Мне показалось? Он нарисованный? Мои сомнения развеялись, когда зрачок начал хаотично двигаться в разные стороны, пока не остановился на мне. Через несколько секунд он проморгался, а бумага под ним стала расходиться в форме рта. Значит, все-таки, тётин-обакэ⁶.

Цукумогами⁷ безобидные, подумал я, как вдруг из фонаря, прямо в сотейник с соусом, посыпались искры, а женщина, которая готовила, начала громко ругаться. Она пыталась ухватиться за фонарь, но тот как будто специально раскачивался из стороны в сторону, лишая ее такой возможности. В какой-то момент он сорвался с крючка и почти приземлился в кастрюлю с лапшой, когда я успел его поймать. Я протянул его хозяйке, на что она выставила перед собой ладони и сказала:

– Нет! Весь вечер искрит, все нервы вымотал! Итак ведь почти не светит! Старый бес-толковый фонарь! Внучка где-то нашла, принесла и повесила. А как ребенку отказать? Теперь он еще и с дыркой. Зачем он мне? Отнеси в мусорку, помоги уставшей женщине, поможешь ведь? Это вот там, за углом, – она кивком показала направление. – Спасибо-спасибо! – услышал я вслед.

Мусорный контейнер оказался практически полным, поэтому фонарь из него наполовину выглядывал. Надеюсь, не сдует. Я развернулся и пошел обратно, погружившись в мысли о том, что может взять тайяки¹¹ с шоколадной начинкой к лимонаду? Или к тайяки лучше кофе? Может, все взять? Рук должно хватить...

– Сожгу здесь все! Пожар устрою! – услышал я хриплый голос сзади, когда почти скрылся за поворотом.

Я обернулся на голос и увидел, как тётин-обакэ с прищуренным глазом и кривой ухмылкой стал рассыпать искры. У меня не было никакого желания лишний раз пересекаться с ёкаями⁸, особенно сегодня. Почему нельзя тактично помолчать по пути до мусорки и разойтись? Он же ёкай, дальше сам справится. Но нет, надо угрожать.

– Я знаю, ты меня видишь. Тогда ты смотрел мне прямо в глаз, ты видел! Поможешь мне?

Второй раз за вечер о помощи просят. Я сегодня популярен.

– Мне некогда, – раздраженно ответил я.

В этот момент зажглась какая-то коробка рядом с фонарем. А он сидит и не двигается. Состоит из бумаги и бамбука, а сжечь себя не боится? Глуповат, получается. И откуда они такие берутся?

Я вытащил ёкая и потушил коробку. Тётин-обакэ выглядел довольным. Как кот, которому наконец-то перепало со стола. Только желтый, одноглазый и с рваным ртом, из которого периодически вываливается длинный язык.

– Отнеси меня домой, – прохрипел фонарь.

– Ты забыл, что умеешь летать?

– Еле плетусь нынче, слишком стар стал. Я до утра добираться буду, а так не пойдет, могут люди пострадать, монстр там страшный.

И снова здравствуйте. Сколько ёкаев на квадратный километр в этом городе? Интересно, больше, чем палаток с лимонадом?

– Она же переживать будет, понимаешь? – не унимался он. – А люди они хорошие, честные, считай родные мне.

Ага. А я вот не настолько хороший человек, чтобы срываться по первому зову ёкая, которого вижу впервые. Тем более меня ждут.

– Они же умрут! – тихо сказал он. В его тихом, ставшем как будто еще более хриплым, голосе чувствовались печаль и... страх?

Дом, к которому мы пришли, выглядел внушительно. В свете луны и уличных фонарей было видно, что это большое двухэтажное здание в традиционном стиле с изогнутой черепичной крышей, широким выступом над террасой на первом этаже и навесом над балконом на втором. Окна первого этажа были высотой в пол. На втором этаже – два стандартных окна по разные стороны балкона. На боковую сторону дома падала тень большого дерева. У дальнего края террасы просматривались приличного размера кусты.

Но самым впечатляющим было то, что дом был почти полностью опутан паутиной. Она хаотично, как косо намотанный бинт, обвивалась вокруг здания, собиралась в плотные слои на крыше и под балконом, частично закрывая и его, и одно из окон. Выбитая створка другого окна второго этажа болталась на оборванной паутине и покачивалась на ветру. Паутина клочьями свисала с перил балкона, спускалась вниз по стене на крышу террасы и рванными кусками уходила вглубь. Окна первого этажа были разбиты, а на осколках, торчащих из рамы, конечно же, развевались на ветру лоскуты паутины. Входная дверь была наглухо закрыта паутиной. Атмосферно же?

– Заходим? – спросил я.

Тётин-обаке явно нервничал. Даже огонь внутри него стал беспорядочно колыхаться, иногда почти потухая.

– Только не убивай ее. Пожалуйста...

Мы вошли через разбитые окна на первом этаже. В доме было темно, но я же с фонарем все-таки. Светил он тускло, но лучше чем никак. Вокруг было много паутины, оплетающей предметы интерьера или свисающей сверху. Когда мы зашли в гостиную, на лестнице со второго этажа показалась женщина в традиционном кимоно. Очень красивая. Только вот ее тело в районе пояса переходило в паучье брюшко, а вместо ног у нее было 8 паучьих лап. Тоже посвоему красиво. Дзёрогумо⁹.

Быстро перебирая конечностями, она рванула в нашу сторону. Как она так ловко управляется с таким количеством ног? Кажется, я ей не понравился. Иначе как объяснить, что когда

она с рыком бросилась в мою сторону, ее челюсти трансформировались в довольно-таки жуткие хелицеры?

Тётин-обакэ, закрывая меня от демона, вмиг оказался между мной и дзёрогумо. А говорил, что уже не летает. Она застыла перед ним, опустила взгляд и виновато протянула руки, но тут же одернула, почувствовав от фонаря тепло.

Ее лицо снова стало человеческим. Фонарь-ёкай вдруг засветился ярче, тускло, но все же освещая комнату. Я огляделся. Над разбитым стеклянным журнальным столиком, с потолка, вниз головой свисало мужское тело, обернутое в кокон из паутины. Кокон был проколот в нескольких местах, и струйки крови, до сих пор вытекающие из ран, собирались внизу в одну и стекали на осколки стекла. В паре метров от книжного шкафа, в огромной луже крови, лежало тело женщины с разодранной грудной клеткой, из которой виднелись торчащие ребра. Практически за ним, около книжного шкафа, было тело... девочки лет 7. Её голова была в метре от тела.

Из глаза тётин-обакэ текли слезы. Я судорожно пытался понять, что чувствую. В реальность меня вернул тихий голос:

– Не надо.

Оказывается, я неосознанно начал превращаться.

– Я все сделаю. Иди. – тихо сказал фонарь.

Я обернулся на выходе, когда заметил, что фонарь погас. В свете луны, проникающей внутрь из не полностью покрытых паутиной окон, я увидел, как дзёрогумо аккуратно прижимала его к себе.

Сидя на тротуаре противоположной стороны улицы, я наблюдал, как отблеск света фонаря-ёкая в окнах темного дома рывками становится все ярче и ярче. Пока не превращается в настоящее пламя. Раздался пронзительный вопль умирающего ёкая. А огонь тем временем распространялся все дальше, постепенно охватывая весь дом.

Пока мы добирались, фонарь рассказывал:

– Я служил этой семье много лет. – начал тётин-обакэ. – Когда они въехали в этот дом, меня убрали в кладовку, где под потолком уже жила старая паучиха. Однажды ее чуть не смели вместе с паутиной, но я позволил ей спрятаться в своем бумажном теле. А потом там и остаться. Шли десятилетия, слои пыли продолжали накладываться друг на друга, а мы все это время были рядом. В один из дней моя паучиха обратилась ёкаем. Ты же знаешь, что дзёрогумо становится паук, проживший 400 лет? – вопросительно посмотрел он на меня. – С того дня я ни разу не зажигался.

– Потому что дзёрогумо смертельно боится огня, – сказал я.

– Да, – ответил дух-фонарь.

– Я знал, что она может делать страшные вещи, но она обещала, что не тронет семью. Так мы и жили на чердаке. С тех пор сменились 2 поколения, пока любопытная девочка не нашла меня. – закончил он уже когда мы приблизились к дому.

– И что же сейчас?

– Ей вряд ли понравилось то, что меня у нее забрали.

Что это было? Злые и бессовестные ёкаи, ведомые своими эгоистичными желаниями, могут вот так? Как это называется?

А перед Химари-то как стыдно.

Я держал в руке и смотрел на свой амулет. Осталось подождать лет 80, чтобы узнать станет он цукумогами или нет. Я был бы не против.

– А мог бы на фейерверки смотреть. – я повернул голову на звук. – Привет, барсук, – села рядом Рин.

¹ Bring Me the Horizon – это популярная британская рок-группа из Шеффилда, основанная в 2004 году. Коллектив прошел творческий путь от тяжелого металкора до стадионного альтернативного рока, электронного рока и поп-метала.

² Фусума – раздвижные перегородки и двери, которые благодаря деревянной обрешетке и бумаге васи сами по себе являются традиционным декором.

³ Норэн – тканевые занавесы с разрезом, часто украшенные иероглифами или орнаментами, которые вешают в дверных проемах.

⁴ Юдзу – это экзотический цитрусовый фрукт родом из Китая, являющийся гибридом мандарина и ичангской папеды. Плоды имеют бугристую кожицу, по вкусу напоминая смесь грейпфрута, лимона и мандарина.

⁵ Якисоба – жареная пшеничная лапша с овощами и мясом, часто приправленная густым сладковато-соленым соусом.

⁶ Тётин-обаке – оживший бумажный фонарь (цукумогами). Когда старый фонарик трескается и рвется вдоль деревянного каркаса, он обретает форму раскрытого рта.

⁷ Цукумогами – это класс духов или ёкаев в японской мифологии, которые рождаются из предметов домашнего обихода, инструментов и прочих вещей, если они существуют достаточно долго (обычно 100 лет) и обретают собственную душу или разум.

⁸ Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

⁹ Дзёрогумо – это опасный ёкай-оборотень из японского фольклора, представляющий собой огромного паука, который способен превращаться в прекрасную обольстительную женщину. Обычный паук-кругопряд превращается в ёкаю, когда достигает возраста 400 лет.

¹⁰ Нэкомата – самый опасный тип бакэнэко, и физически они отличаются тем, что у них два хвоста. Это бакэнэко, которые прожили дольше всех, обладают наибольшей мудростью, силой, а также являются самыми злобными. Они устраивают большие пожары, чтобы уничтожить города и поселки, убивая множество людей, а потом контролируют трупы, поработав их.

¹¹ Тайяки – это знаменитые японские вафли или бисквиты в форме рыбки (морского леща) с различными начинками. Тесто выпекается в специальной двусторонней форме до золотистой корочки.

Мёртвое пламя

Пламя продолжало охватывать дом, который погибшая семья делила с двумя ёкаями¹. Периодически были слышны звуки падающих балок и лопающихся стекол. Рин молча сидела рядом. Когда послышались приближающиеся сирены, а в сторону горящего дома начали стягиваться люди, она встала, схватила рукав моей рубашки и потянула за собой. Когда мы отошли достаточно далеко, я спросил:

– Следишь за мной?

– Отчасти. Увидела тебя на фестивале, хотела поздороваться. Ты как раз разговаривал с куском мусора, а потом достал его оттуда и потащил куда-то. Когда я поняла, что это тётин-обакэ², мне стало интересно, что будет дальше, – пожала плечами Рин.

– И как, понравилось? – раздраженно спросил я.

– Не знаю, что там внутри, – кивнула она на горящий дом, – но, судя по всему, там не было ничего хорошего.

Я промолчал. В тишине мы дошли до оживленной части города, где еще ходил общественный транспорт и, несмотря на поздний час, были люди.

– Проводить тебя? – спросила Рин.

– Не надо. А тебя? – спросил я ее.

– Не надо, – она отрицательно помотала головой. – Где мне тебя найти? – делая шаг в сторону, спросила она.

– Книжный у парка Боккэто³, – ответил я, и мы разошлись в разные стороны.

Рабочий день сегодня на редкость насыщенный. С самого утра приходила подруга Химари. Та, которая не умеет признавать ошибки, но может напасть с палкой на нэкомата⁴.

– Ты вообще нормальный? Это вообще-то гостинг⁵! – кричала она размахивая руками. – Что такого должно было произойти, что ты, такой... никакой, бросил Химари, такую идеальную, одну в парке ночью?! А?

– По пути за лимонадом я встретил ёкаю, который хотел спасти важную для него семью от важного для него ёкаю. Получилось не очень, но он пытался. Я помогал. Получилось не очень, но я пытался. – сказал я.

– Ты точно ненормальный! Без тебя ей будет лучше. И ты ее недостойн. Бедная Химари, постоянно ведется на симпатичных парней с грустными глазами.

– Слушай, я виноват и хочу изв...

– Ни за что не позволю тебе ее снова увидеть! – прервала меня девушка, уже поворачиваясь в сторону выхода.

– Передай Химари, что мне очень жаль. Пожалуйста! – крикнул я ей вслед, на что та лишь громко фыркнула и хлопнула дверью.

Сегодня снова заходили охотники на демонов. Начинающие. Настолько начинающие, что еще учатся в средней школе. Обычно их трое: один в очках и с любопытным взглядом, у второго горят глаза при упоминании ёкаев, а на рюкзаке болтаются две игрушечные катаны, а

третья – девочка, которая, как мне кажется, тоже без проблем с палкой на нэкомата пойдет. Сегодня парня с катанами не было. “Болеет”, – грустно поведал мне очкастый друг.

Угадаете, какую книгу малолетние охотники ищут и ждут уже не один месяц? Правильно, бестиарий Ториямы Сэкиена⁶. “Врага надо знать в лицо!” – как-то сказал тот, что с катанами. Где-то я это уже слышал. Тем не менее, последний экземпляр книги забрал студент. Но школьники не унывают, заходят и спрашивают эту книгу так часто, что я мог бы ее уже написать по памяти. И дополнить своим опытом. Только сначала придется научиться рисовать. А это лень.

Было людно:

– А вы прочитали все книги в этом магазине? Тогда как же вы тут работаете, если нет?
– расспрашивала девочка лет 6.

– А есть точно такая же книга, но с зеленой обложкой? – уточняла ее мама.

– А можно напечатать эту же книгу другим шрифтом? – интересовался парень с надписью “Wanna play with fonts?”⁷ на футболке.

– А что мне сделать, чтобы написать книгу? – интересовалась женщина с бумажным пакетом из ближайшей пекарни.

Запах выпечки напомнил о том, что я не обедал. А рабочий день уже почти закончился. От этого я был еще более раздражен.

Прямо перед закрытием в магазин влетела Рин.

– Дело есть, срочное. Пошли, – потянула она меня за руку.

– Не смешно. – недовольно ответил я, скинув ее руку.

– А если я скажу, что ты мне нравишься? – посмотрела на меня вопросительно Рин.

– Я не поверю.

– Ладно, я попыталась, – сказала она, грубо схватила меня за плечо и потащила в сторону выхода.

Я сопротивлялся и, кажется, еще чуть-чуть и мы бы подрались, но тут входная дверь открылась и послышался голос:

– Тэцу Катанамичи, я разве так тебя воспитывал? А ну иди и помоги девушке! – с возмущением в голосе сказал дед. – Я в гости, соскучился. – уже мягче продолжил дед в ответ на мой удивленный взгляд. – Но это потом, бегите уже.

Рин не стала ждать, пока я осознаю происходящее, и утянула меня за собой, кивнув деду в качестве «спасибо» на выходе.

Мы сели в машину, и начался мастер-класс по небезопасному вождению с нарушением всех правил дорожного движения. Мы ехали в сторону южной окраины города, в нескольких километрах от которой располагаются сельскохозяйственные предприятия. Рин достала телефон и набрала кому-то. “Где ты” и “скоро будем” – вот и весь разговор. Не успев положить

трубку, она резко повернула налево, на что вслед нам протяжно просигналили чуть ли не все машины вокруг.

- Может, расскажешь, что происходит? – не выдержал и спросил я.
- Покойники стали возвращаться домой и нападать на родственников.

Ну конечно. Я отчаянно вздохнул, но не нашел, что на это ответить.

Девушка затормозила на улице, через дорогу от которой была приличная лесополоса, а за ней начинались фермерские поля. Она достала катану и танто⁸ с заднего сиденья и закрепила на поясе. Неожиданно, но ладно. В кустах, что перед основным массивом деревьев, что-то происходило. Разглядеть было сложно, Рин снова схватила меня за руку. Да сколько можно! Неприлично трогать людей без их на то разрешения. Мы довольно быстро добрались до места, где человек в монашеской одежде посохом бо⁹ сражался с двумя... зомби? Монах ловко уложил обоих противников и вогнал им посох с металлическим наконечником одному в лоб, второму в глаз. Заметив нас, он повернулся и начал говорить:

– Ты почти вовремя. Ближе этих к городу никто не подошел, но в лесу, – указал он вглубь деревьев, откуда доносились шорохи, – их достаточно. Сейчас еще не слишком темно, нельзя выпускать их оттуда.

Тут монах перевел взгляд на меня, стоящего позади Рин, и его глаза округлились от удивления.

- Цутому? – недоверчиво спросил я.
- Тэцу? – подозрительно спросил он.

– О, вы знакомы, круто. А теперь давайте займемся делом. – сказала Рин и снова грубо схватила меня за руку и потащила за собой. – Наша задача – не давать зомби выйти из леса и валить зомби. Напомню, чтобы убить, надо повредить мозг. Погнали! – крикнула она и побежала вперед.

Я принял облик оборотня. Вот оно, чувство свободы. И рванул в лес. Было весело. Догнать зомби легко, они медленные. Разорвать зомби легко, они разлагающиеся. Пробить череп чуть сложнее, но у меня же когти и, на крайний случай, челюсть. Кстати, они невкусные. От слова совсем. Я до сих пор с теплом в желудке вспоминаю угря-икути¹⁰. В одном месте мне попала стайка нежити. Неудобно, что если сильно отбросить зомби в дерево, он разваливается и стекает с него частями. Ищи потом в этой каше голову с мозгом. С криком “Паркур!” я прыгнул, оттолкнулся от дерева и залетел прямо в центр зомби-тусовки. Изобразил что-то типа вертушки (а я прям полный круг выдаю) и начал бойню с тех, кто не упал от моего удара. Может, мне тоже катану надо? А что, чуть более дальний бой, чем в рукопашку. Интересно, это удобно? Дальше в ход пошли те, кто успел подняться. Было не очень удобно драться, стоя в месиве из трюпов и частей тел, но я молодец, я справился.

А лесок-то не такой уж и маленький. Не один час мы его обходили вдоль и поперек. Пару раз я пересекался с Рин. Красиво она, вот это вот всякое, с катаной. Я так засмотрелся, что не заметил, как за меня зомби схватился. “Талант, помноженный на практику, это большой талант” – говорил дед. Это точно про Рин.

Мы заметили, что зомби приходят со стороны фермерских построек, которые находятся через большое поле от нас. Они до сих пор по одиночке в разброску шли в нашу сторону. Мы пошли навстречу, по пути избавляясь от них. На территории мы не нашли никого, кроме пары застрывших в заборе зомби, от которых тоже избавились. Было решено разделиться. Я проходил мимо ряда каких-то сараев, когда из одного из них послышался шум. Ручка не поддавалась, и я, приложив силу, практически вырвал дверь. Угадайте, кого я там увидел? Подсказка: кто шарит в некромантии? Это был тот самый нэкомата, который хотел сожрать Химари и ее подругу. Или же убить и воскресить?

Я схватил его за холку и потащил к ребятам. Оказалось, что нэкомата-то у нас фермер. Коровы у него, молоко, мясо. Свое, натуральное, говорил он, спрос есть.

– Что здесь происходит? – спросил Цутому.

– Как что? Фермерское хозяйство, не видишь что ли? – возмущался нэкомата, которому за такой ответ прилетело посохом.

– Причем здесь армия нежити?

– Ты видел, какую зарплату сейчас просят рабочие? Это ж разориться можно! А налоги? А эти бесплатные, управлять ими легко. – говорил нэкомата, не чувствуя своей вины в происходящем.

– У нас трупы кремируют. Где ты их взял? – продолжал расспрос монах.

Нэкомата замолчал и опустил взгляд, на что получил очередной удар посохом.

– Ладно, ладно! У меня знакомый в крематории есть. По пеплу-то родственника не опознаешь. Бартер у нас. Я ему мясо, он мне мертвое мясо. – хихикал он.

Еще один удар посохом от Цутому.

– Что пошло не так сегодня? – спросил он.

– Не заметил, как зомбей стало слишком много, поздно понял, подчистить ряды не успел, а ресурс для манипуляции нежитью у меня ограниченный, оказывается.

– Бестолочь, – выдохнул монах.

– Что делать будем? – спросила Рин.

– Могу сожрать, – с показным безразличием, но тайной надеждой вмешался я.

– Федералам сдадим. – твердо сказал Цутому.

А я вообще-то голодный. Виновника торжества скрутили и монах потащил его обратно к лесу. Напоследок он сказал:

– Трупы собрать и сжечь.

И снова мы с Рин сидим перед “костром”. Скорее грустно, чем душевно, но тем не менее. Можно это назвать романтическим опытом? Перед этим мы три часа собирали трупы и стаскивали их на середину поля. Бензин нашелся у горе-фермера. Костер получился внушительный. С треском, искрами, вонью и копотью. В каком-то смысле теперь жизнь этих людей закончилась как положено, в огне. Насколько мне известно, на душу, предстающую перед судом Эммы, это не влияет, но монахи говорят, что от тела умершего надо избавиться как можно скорее, чтобы душа могла сразу переродиться. Поэтому обращать людей в зомби как-то негуманно.

– Откуда ты знаешь Цутому? – отвлекла меня от мыслей Рин.

– Работали вместе. У тории¹¹, которая была барьером между человеческим и подземным мирами. Через которую ты прошла. – ответил я.

– Прости за тот случай.

– Сам виноват.

– Прости.

– Прощаю.

– Красиво горят, – тихо сказала Рин через некоторое время.

– Очень, – согласился я.

¹ Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

² Тётин-обаке – оживший бумажный фонарь (цукумогами). Когда старый фонарик трескается и рвется вдоль деревянного каркаса, он обретает форму раскрытого рта.

³ Бёккэто – японский термин, описывающий состояние, когда бессмысленно и расслабленно смотришь вдаль, ни о чём не думая.

⁴ Нёкомата – самый опасный тип бакэнэко, и физически они отличаются тем, что у них два хвоста. Это бакэнэко, которые прожили дольше всех, обладают наибольшей мудростью, силой, а также являются самыми злобными. Они устраивают большие пожары, чтобы уничтожить города и поселки, убивая множество людей, а потом контролируют трупы, поработав их.

⁵ Гостинг (от англ. ghosting; ghost – «призрак») – резкое прекращение отношений без предупреждения и объяснения.

⁶ Торияма Сэкиен – японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

⁷ Wanna play with fonts? англ. Хочешь поиграть шрифтами?

⁸ Танто – кинжал самурая. Похож на маленькую катану.

⁹ Бо – длинный посох из дерева или бамбука, иногда из металла либо обшитый металлом. Используется в боевых искусствах в качестве оружия.

¹⁰ Икути – морское чудовище из японского фольклора.

¹¹ Тории – это традиционные японские П-образные ворота без створок. Обозначают границу между обычным земным миром и священным, сакральным пространством.

Противоположный берег Сандзу

Цутому осуществил свою мечту – он сражается с нечистью и защищает людей. Ему удалось пробиться в храм даже несмотря на то, что он – наполовину тануки¹. Начинаящий монах втайне от храма помогал людям, и к ним повалили толпы людей со своими ёкайными² проблемами. И все просили вот того, молодого, который как-то каппу³, что набережную кошмарил, одолел. В итоге, Цутому допустили до обрядов над злыми духами, хотя он еще не достиг нужной должности при храме. Крут. Не то чтобы я его всю дорогу поддерживал, но я им горжусь.

С Рин они познакомились, когда он пытался ее убить, перепутав с ёкаем, к которому его позвали. Она ему тогда помогла, и с тех пор они иногда работают вместе. Рин, кстати, нелегально.

У храмов, имеющих дело с нечистью, есть обязательства перед Федеральным Бюро Равновесия, отвечающим за то, чтобы заблудшие и провинившиеся ёкаи добрались до ада, чтобы демонов в мире людей не стало слишком много, и чтобы они вели себя хорошо. Суть заключающаяся в том, что пойманную нечисть надо передавать под их ответственность, где духов ждет бюрократическая волокита с последующим судом царя Эммы⁴.

– То есть, по сути ты работаешь на федералов? – спросил я Цутому.

– Нет, я работаю ради своей цели. Но пока что приходится и с ними. – выпалил монах.

А целеустремленность он за эти годы не растерял.

– И какая же у тебя цель? – поинтересовался я.

– Хочу возродить Косэй-кан⁵.

А веру в себя он за эти годы не растерял. Я поперхнулся чаем, который мы пили за разговором, сидя на веранде храма. Косэй-кан – это, так называемый, институт справедливости, который славился умением находить компромиссы между мирами богов и демонов, и, благодаря этому, успешно сдерживал буйство нечисти. Организация существовала давно и, в итоге, эти же миры ее и развалили.

– А ты не мелочишься. Зачем? – спросил я.

– Потому что они несут справедливость? Они почти помирили Дзигоку⁶ и Такамагахара⁷. – нахмурился Цутому и сложил руки на груди.

– Они просуществовали меньше сотни лет. Такой “мир” их и убил. Миры богов и демонов отстаивают только свою справедливость. Без уступок. – раздраженно возразил я.

– Тем не менее тогда им удалось достичь такого уровня равновесия, которого ни до них, ни после не было. Разве равновесие – это не справедливость? – включилась в обсуждение Рин.

– Косэй-кан развалились триста лет назад. Почему это справедливость? Потому что они так называются? Разве равновесие путем ограничения чьих-то прав, пусть даже ёкаев, – это справедливость? – возмутился я.

– Как минимум, это компромисс, который может улучшить ситуацию. Меньше мертвых людей, меньше изгнанных и уничтоженных демонов. Разве такая справедливость – это плохо? – продолжила она.

– Это справедливость только потому, что вы ее так называете, – выпалил я.

Повисло молчание.

– Мне нужно, чтобы ты спустился с нами в Ёми-но Куни⁸. Вдвоем это опасно, легко ошибиться и остаться там навсегда. А еще у нас нет таких способностей, как у тебя. – серьезным тоном сказал Цутому.

– Что ты там потерял? Я не хочу обратно в Дзигоку, – ответил я.

– То, что ты был в Дзигоку, это – еще один аргумент в твою пользу.

– Ёми – это не Дзигоку. Кажется это не...

– Я с вами пойду! – показательно уверенным голосом, прервал меня парень в очках из отряда школьников-охотников на демонов. – Мне сказали, что тут есть монах, который со злыми духами сражается. Это вы? – обратился он к Цутому.

Мы так спорили, что даже не заметили, как он появился.

– Чего тебе? – спросил монах.

– Мой друг, он... умер. – опустил взгляд школьник. – А Нобуко, она с нами в отряде охотников была, где-то вычитала, что умершие дети не могут пересечь реку Сандзу⁹ и попасть из Ёми-но Куни – страны мертвых, в Дзигоку – ад, а значит, она сможет пойти туда и вернуть его. – тараторил он. – Но они так и не вернулись.

Зря я им столько книг насоветовал.

Отчасти девочка была права, дети не могут самостоятельно пересечь реку Сандзу, чтобы покинуть Ёми и перейти в Дзигоку, куда их не пустят, ведь за короткую жизнь они не успевают набрать грехов. Но пересечь Сандзу дети могут, пути ведут не только в Дзигоку. А вот вернуться из ёми... Во-первых, даже сам бог Идзанаги¹⁰, спустившийся за своей погибшей супругой Идзанами, вернулся один. Она, конечно, теперь владычица этого мрачного царства, но, все равно, это не похоже на счастливый финал. А во-вторых, души мертвецов не любят живых, поэтому не хотят их отпускать.

По задумке, души проходят через Ёми-но Куни, пересекают Сандзу и отправляются куда им положено в соответствии с грехами. Но любой, кто попробует местную еду, останется тут навсегда. Вход в страну мертвых, по легенде, находится у подножья какой-то, не помню, горы и закрыт валуном. Эта конструкция находится в провинции Идзумо. А это далеко. Вряд ли девочка уехала в такую даль, а значит, есть еще варианты.

– Пошли, – вздохнул я.

– Я пойду с вами! – громко сказал юный охотник на демонов.

– Нет. – хором ответили мы трое.

Вы знали, что на метро нынче можно наведаться в гости в мир мертвых? Что не так с этим миром?

Мы вышли из вагона в темноту. В такую, что, казалось, ее можно потрогать. Когда освещенный вагон исчез в темноте, нам потребовалось время, чтобы привыкнуть к миру, еле-еле освещенному зеленоватыми кострами, которые подсвечивали лица полупрозрачных существ. Ёми изнутри выглядел как заброшенный город: ветхие дома и постройки из прошлых веков

и множество бесплотных душ, что слоняются по улицам и как будто бы ведут повседневную жизнь. Или смерть? Послежизние?

– Куда нам? – спросил я.

– Сейчас мы на главной улице, она ведет к мосту через Сандзу. – сказал Цутому. – Думаю, девочка должна быть где-то там. По пути я отлучусь, но позже найду вас. – продолжил он. – Не шумите и ни в кого не врезайтесь. Души могут погнаться за нами, если почувствуют. И ничего не ешьте, иначе навсегда останетесь здесь. Особенно это касается тебя, Тэцу, – посмотрел он на меня, – я помню твои кулинарные предпочтения.

Мои кулинарные предпочтения – это хтонический угорь.

Мы продвигались медленно. Уворачивались, прятались, замирали – делали всё, чтобы не привлекать внимания. Один раз я споткнулся и почти влетел в стайку местных жителей, но Рин успела меня поймать. В какой-то момент Цутому, как и обещал, свернул на другую улицу и пропал из виду.

К мосту через реку была небольшая очередь. Насколько мне известно, проход на него охраняют демоны-стражи и пропускают только безгрешных. Ну или минимально грешных. Чтобы оценить степень “загрехованности” новоприбывших, их одежду вешают на дерево, и чем сильнее прогнется ветка, тем более грешна душа. Поэтому те, кому заказан путь на мост, в некоторых местах переходят реку вброд. А самые грешные тонут, vyplывают и их снова утягивает под воду какая-то хтонь со дна.

В надежде встретить девочку, мы решили идти вдоль берега. Через некоторое время Рин остановилась и начала вглядываться в темноту, пытаясь что-то рассмотреть.

– Смотри, – Рин кивнула вперед, на берег, где к руслу Сандзу присоединялось пересохшее русло другой реки. – Это же дети?

Это действительно оказались дети. Они группами, парами или поодиночке собирали башни из гальки. Кто-то плакал над своими разрушенными творениями, а кто-то просто бесцельно бродил среди остальных.

Мой взгляд зацепился за знакомую растрепанную макушку и две знакомые игрушечные катаны. Мальчик сидел к нам спиной и, похоже, тоже что-то строил.

Рин что-то говорила, но я, не слушая, помчался в сторону ребенка, развернул его за плечо и... это бесплотное существо действительно оказалось душой юного охотника на демонов. Это было неприятно. Потому что грустно.

– Вы же парень из книжного, да? Но... вы живой? – обрадовался он. – Нобуко, смотри, я же говорил, что наш очкастый не подведет и за тобой придут! – сказал он, повернувшись к ребенку рядом с собой. – Я знаю, что умер в мире людей. – продолжал парень, – Но Нобуко же там не умирала, а знач...

– Тэцу, это она? – прервала его Рин.

На нас смотрела его подруга с чупа-чупсом во рту. Такая же полупрозрачная, бестелесная и... мертвая, как и все здесь. Очень неприятно. Потому что очень грустно.

– Хотите? – она достала из кармана и протянула нам леденцы.

В этот момент нас, неожиданно и со всех сторон разом, окружили голоса:

– Живым не место в Ёми-но Куни! Живым не место на берегу Сандзу! Живым не место на берегу Сай-но-Кавара⁹!

В нашу сторону стали стекаться, сменившие уныние на злость души, сквозь которые прорывались два демона бни¹¹.

– Бежим! – крикнула Рин и потащила меня за собой.

До ближайшей постройки, где можно было бы спрятаться, было далеко, а желающих участвовать в погоне становилось только больше. Более того, теперь на нас, перекрывая путь, надвигались еще и спереди. Я сменил облик, схватил Рин и помчался прямо через них. Пробраться сквозь души мертвых ощущается как заплыв через прохладный кисель. Интересно, а для них это как?

Избегая главную дорогу, я свернул в переулок, чтобы попробовать добраться до выхода по параллельной улице. Когда наши преследователи пропали из виду, Рин стала возмущаться и требовать, чтобы я поставил ее на землю. А через несколько метров из какого-то закоулка вылезло штук пять полупрозрачных мертвецов. Я успел сделать несколько шагов, когда заметил, что Рин, как вкопанная, стоит на месте. Она стеклянными глазами смотрела на душу перед собой, а та держала ее ладонь в своих и причитала:

– Рин, это же ты, да? Ты же меня помнишь? Рин, прости, забери меня, пожалуйста, Рин, забери...

Я вырвал ее из рук мертвеца, но за это время уже подтянулись еще несколько недовольных обитателей Ёми. Убегая и прячась по углам, нам удалось оторваться. Через очередной переулок мы вернулись на главную дорогу, где, видимо выглядывая нас, стоял Цутому, прижимающий к груди какой-то сверток. До выхода из Ёни-но Куни мы добрались без происшествий. Как и до храма, где служил монах. Я предлагал разойтись, но он сказал, что после возвращения из такого места живым положено ритуальное очищение водой, мол, это смывает следы смерти. В виде остатков киселя, я полагаю.

В храме, нас и своих друзей, ждал последний из их отряда охотник на демонов.

¹ Тануки – японские енотовидные собаки-оборотни, символизирующие счастье, удачу и финансовое благополучие.

² Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

³ Каппа – это водяной дух из японской мифологии, напоминающий помесь человека, лягушки и черепахи.

⁴ Царь Эмма – в японской мифологии и буддизме верховный бог, властелин и судья мертвых, правящий подземным адом Дзигоку.

⁵ Косэй-кан – яп. институт справедливости.

⁶ Дзигоку – японский загробный мир.

⁷ Такамагахара – это священная обитель, где обитают божества (ками), управляющие вселенной. Верхний мир богов.

⁸ Ёми-но куни (или Ёмоцукуни) в японской мифологии – это подземное царство вечной тьмы и страна мертвых. Согласно синтоистским текстам, туда отправляются души после смерти, а управляет этим мрачным местом богиня Идзанами.

⁹ Сандзу – река в японской мифологии, является границей между Ёми-но куни и Дзигоку. Души умерших детей не могут её пересечь и попадают на Сай-но-Кавара – каменистый берег, где должны строить башенки из камней, чтобы искупить грех перед родителями, которые из-за них страдают и скорбят. Демоны разрушают башни, но детей спасает бодхисаттва Дзидзо.

¹⁰ Идзанаги и Идзанами – главные божества-творцы в японской мифологии, брат и сестра, а также супруги. Они создали Японские острова, породили множество ками (богов) и, по преданию, стали причиной разделения мира на живых и мертвых. При рождении бога огня Кагуцути Идзанами получила сильные ожоги и скончалась. Безутешный Идзанаги отправился за возлюбленной в мрачную страну мертвых – Ёми-но куни. Он нашел Идзанами в темноте, но она попросила его подождать, пока она попросит правителей подземного царства отпустить ее. Не дождавшись, бог зажег гребень и увидел, что ее тело уже начало разлагаться. В ужасе он убежал, а она осталась там править.

¹¹ Они – большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в дзигоку, японском аналоге ада.

Коридоры, которых нет

Я устал. Нам привезли тонну коробок с книгами из очередной, закрывшейся где-то в глуши, библиотеки. Я, с перерывами на покупателей, две недели эти коробки разбирал и сортировал. Даже уговорил начальство взять на полставки Дайске – несостоявшегося очкастого охотника на демонов. С сортировкой это помогло. Но, в ситуациях, где ему приходилось общаться с людьми, скорее наоборот. Кстати, Торияма Сэкиэн¹ снова в наличии.

Дед, как оказалось, так соскучился по городской жизни, что решил посетить все концерты, выставки и прочие мероприятия, которые сейчас проводятся. Теперь мои вечера и выходные забиты культурным просвещением. На все мои возражения он говорит:

– Будешь постоянно книжки читать, станешь умным, и придется страдать еще и от осознания фатальности страдания. Ты ж разрушишь в себе навязанную обществом иллюзию того, что, если постараться, получится сложить воедино все известные причинно-следственные связи в одну большую структуру, которая объяснит механизмы функционирования мироздания, а это, в свою очередь, обеспечит предсказуемость, которая даст чувство безопасности и возможность замены абстрактного понятия справедливости на конкретное, аргументированное и валидированное. По идее, такое упорядочивание должно повысить уровень твоего удовлетворения жизнью. Только вот это утопия, ведь мир априори хаотичен...

– Потому что, как минимум, дискурс вокруг сознания противоречит принятой нынче физикалистской² позиции, но, при этом, пресловутый физикализм не может описать сознание в своей парадигме, ага. – прервал я деда.

– Ну дак это ж ключевая проблема современной философии! – воскликнул он.

– А мы, я смотрю, оба начитанные.

Ладно, спектакль про царя Эмму³ был неплох, хотя бы потому что актер был похож на свой прообраз, а вот Ходзуки... Я бы посмотрел, как он отреагировал на то, что секретаря владыки изобразили веселым и жизнерадостным.

Все-таки хочется сожрать угря. Или хотя бы нобусуму⁴. Или отвлечься.

В один из выходных мне чудом удалось избежать похода на выставку фарфора Имари⁵, и я направился к Цутому.

– Я кое-что принес, – выложил я перед ним две книги. – Одна про устройство тюрьмы Абасири⁶, другая про временные тупики. – пояснил я.

– И зачем они мне? – непонимающе спросил он.

– Ты ж вроде хотел Косэй-кан⁷ возродить?

– Да, но...

– Второй в их тусовке, главный по чему-то там девятихвостый кицунэ⁸, должен быть заперт в камере вне времени в скрытом измерении Абасири. Думаю, живой еще, раз законсервирован во времени. – продолжил я.

– Откуда ты знаешь? – удивленно спросил Цутому.

– В аду разные слухи ходят. – пожал я плечами. – Там, знаешь ли, тоже романтиков, желающих исправить мир, достаточно.

– Почему ты вообще здесь? – развел руками монах.

– Выходной у меня. Бери свой посох и пошли уже, до Хоккайдо четыре часа добираться, по пути все расскажу.

До станции мы добирались в тишине. Цутому иногда подозрительно на меня посматривал. Ну настроение у меня сегодня такое, что теперь.

– У меня условие, – сказал я. – Будут ёкай⁹ – один из них мне на обед.

– Лааадно, – закатив глаза, ответил монах. – Все равно у нас нелегальное мероприятие.

В поезде я рассказал Цутому, что тюрьма Абасири представляет собой пять коридоров, соединяющихся в одной точке и образующих что-то типа звезды. Если из точки их пересечения пройти по каждому коридору в определенном порядке и вернуться обратно, то откроется проход вниз, в измерение, неподвластное времени. А там двигающиеся коридоры с появляющимися и исчезающими дверями, комнатами, лестницами, ловушками и монстрами. За происходящим будет следить мокумокурэн¹⁰, ёкай-глаз, который появляется и почти мгновенно исчезает в случайных местах на стене, полу или потолке. Но, если успеть встретиться с ним взглядом, он покажет путь.

Кстати, эта тюрьма сейчас музей.

В музее былолюдно. Чего и следовало ожидать в выходной день. В книге описывались три комбинации чередования коридоров в зависимости от расположения Земли, Солнца и Луны в текущий момент. Спасибо, что не от положения Меркурия. В итоге нам помог интернет. Толкаясь среди посетителей, мы обошли коридоры два раза, потому что в первый начали не с той стороны. Кто ж знал, что нам направо стоя спиной к центру, а не ко входу.

Внизу нас встретил коридор, уходящий в бесконечную даль. Мы двинулись вперед и через минут пять наткнулись на дверь. Пока мы спорили, заходить или нет, противоположная стена стала надвигаться на нас. У Индианы Джонса вроде было подобное? Мы успели зайти в дверь. Внутри была пустая комната. Дверь исчезла. Мы облапали все стены в надежде, что чудесным образом откроется проход. Теперь руки грязные, неприятно. Через полчаса одна из стен комнаты стала отдаляться образуя очередной бесконечный коридор. Снова встретив дверь, мы решили не открывать ее и пойти дальше.

Потом была еще дверь, и еще, и еще. Цутому настаивал, что надо идти дальше. Через какое-то время мне стало скучно, я не выдержал и открыл ближайшую. Дверь, из которой на меня вывалились огромные скользкие щупальца с присосками. Как и полагается приличному осьминогу. Меня отбросило к стене, а Цутому не растерялся, достал посох, включил режим боевого монаха и начал сражаться с щупальцами. Как он так ловко двигается? Я засмотрелся.

– Чего завис? Сделай что-нибудь! – крикнул мне монах.

И правда. Кто стал оборотнем? Я стал оборотнем. Из двери торчали три щупальца, голова монстра не пролезала, но был виден оранжевый глаз с горизонтальным зрачком. Как же прекрасна природа в своем многообразии. Лезть в комнату к монстру не хотелось, поэтому я

решил закрыть дверь снаружи. Вдруг повезет и она исчезнет. Одно щупальце усилиями Цутому почти не двигалось, второе он удерживал на месте запрыгнув на него и орудия посохом. Третье летело в его сторону, когда я его поймал. Не выпуская его из рук, я, навалившись всем своим весом, изо всех сил толкал дверь. В конце было непросто – потребовалось время, чтобы пережать толстые щупальца дверью так, чтобы она закрылась. Оторванные, они забавно извивались в предсмертной агонии.

За несогласованное открытие двери Цутому смотрел на меня, как на провинившегося щенка. Дальше мы, игнорируя двери, шли прямо по коридору, который вдруг закончился обрывом в пустоту. Пришлось идти обратно и открывать дверь, за которой, к радости монаха, оказался коридор.

Неожиданно из темноты коридора на нас напал недовольный, воинственно настроенный отряд из разных цукумогами¹¹, каппы¹², зомби-тануки¹³ и чего-то непонятного и почти развалившегося в количестве трех штук. С ними был ухмыляющийся двуххвостый нэкомата¹⁴.

Я бросился вперед, чтобы разобраться с теми, кто крупнее, пока Цутому своим боевым посохом избавлялся от цукумогами. Почему они все такие злые, день не задался? Три непонятные хтони пытались меня удерживать, пока меня атаковал каппа. Нормально меня держать у них не получалось, и я успешно уворачивался. Сбоку на меня набросился тануки и укусил в плечо. Меня спасло шерстяное преимущество, не прокусил. Но неприятно вообще-то. Все три неопознанных существа я по очереди запустил в нэкомата, который все это время держался сзади. Одним точно попал. Каппа полетел в стену, сполз по ней и больше не встал. Я схватил за шею тануки, который пытался грызть мою ногу, и сжимал ее пока его тело и голова не стали отдельными предметами. Упавшую на пол голову я раздавил ногой. А что, зомби же надо мозг уничтожить. Тут сзади на меня напал... каппа? Повезло ему, уникальный опыт – пожить в форме зомби. Ах да, нэкомата. Он все еще прятался за двумя непонятными существами, третье рассыпалось от удара. Я старательно впечатал голову каппы в стену, и хруст черепа дал понять, что теперь он точно не встанет. Нэкомата побежал прочь. Вообще-то сейчас он – моя последняя надежда на обед, упускать не хотелось бы. Да и двуххвостых среди моих блюд еще не было. Он был почти у внезапно появившейся двери, когда я поймал его за хвост и дернул на себя. Пушистый некромант влетел в меня и упал спиной на пол. Ну я разорвал его грудную клетку, достал сердце и съел. Оно еще билось. Теплое. Надеюсь, от удовольствия я простонал не вслух. Это однозначно второе место после угря.

Сзади Цутому добивал облезший тётин-обаэкэ¹⁵ с вывалившимся языком. Закончив, он посмотрел на меня. Осуждающий взгляд сменился на разочарованный вздох. Эй, мы вообще-то договаривались.

Монах отвел взгляд в сторону стены и замер. На него смотрел глаз с красной радужкой. Они смотрели друг на друга.

– Отведи нас к камере кичунэ, который был частью верхушки Косэй-кан! – выпалил он.

– Хорошо, – как эхом послышалось со всех сторон одновременно. Мокумокурэн стал показываться на разных поверхностях, указывая направление крутящимся зрачком.

Дальше было скучно. Мы просто шли, шли и шли. Один раз в нас из стены должны были вылететь копыя, но древний механизм заело, и они остались торчать в стене. Несколько раз мы встречали одиночных цукумогами. Один раз Цутому молитвой изгнал какого-то духа.

Где-то через полчаса ёкай привел нас к камере девятихвостого. Дверь не поддавалась, а глазастый нам ее открыть не соизволил, пришлось выламывать. Каким же разочарованным было лицо Цутому, когда оказалось, что в камере никого нет.

– Где кицунэ? – спросил он мокумокурэна, который постоянно менял расположение в попытках спрятаться от чужого гневного взгляда.

– Да сбежал он, лет 20 уж как, – тихо прозвучало отовсюду одновременно.

– А сразу сказать было нельзя? – уже кричал Цутому.

– Ты просил отвести к камере кицунэ, а не к кицунэ, – последнее слово было слышно уже эхом.

– Да я тебя сейчас... – монах прицелился в хаотичнодвигающийся по стене глаз и почти попал в него наконечником посоха.

Ого, какой злой. Я отобрал у него оружие, извинился за поведение. Пришлось объяснять, что ничего личного, просто у человека мечта рушится, а это вызывает деструктивные эмоции. Мокумокурэн отвел нас к выходу.

Весь обратный путь Цутому недовольно молчал. Мне тоже жаль, что кицунэ в тюрьме Абасири не оказалось, но, по-моему, было весело. Еще и поел.

¹ Торияма Сэкиэн – японский художник, основной темой в творчестве которого выступал японский фольклор.

² Физикализм – это философская позиция, утверждающая, что всё существующее в мире имеет физическую природу или полностью сводится к ней. Это современная, более строгая форма материализма, которая опирается на данные естественных наук и постулирует, что физические законы управляют всеми процессами в реальности.

³ Царь Эмма – в японской мифологии и буддизме верховный бог, властелин и судья мертвых, правящий подземным адом Дзигоку.

⁴ Нобусума – согласно японскому фольклору, это обычные летучие мыши, которые из-за долгой жизни обретают магические силы.

⁵ Имари – самый знаменитый японский экспортный фарфор XVII–XVIII веков. Его легко узнать по пышной подглазурной росписи кобальтом (ярко-синий), надглазурным краскам (красный, золотой) и сложным орнаментам с изображением цветов, птиц и мифологических сюжетов.

⁶ Абасири – самая суровая тюрьма Японии, японский «Алькатрас». Тюремные блоки радиально расходятся от центрального поста, что позволяло одному охраннику контролировать сразу несколько коридоров. Сейчас музей.

⁷ Косэй-кан – яп. институт справедливости.

⁸ Кицунэ – японская лиса-оборотень, обладающая высоким интеллектом, долголетием и магическими способностями. Чем старше и мудрее лисица, тем больше у неё хвостов – максимум до девяти.

⁹ Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

¹⁰ Мокумокурэн – это японский ёкай (дух), который, согласно легендам, обитает в старых бумажных перегородках (сёдзи), стенах или татами, усеянных дырами. Название буквально переводится как «множество глаз».

¹¹ Цукумогами – это класс духов или ёкаев в японской мифологии, которые рождаются из предметов домашнего обихода, инструментов и прочих вещей, если они существуют достаточно долго (обычно 100 лет) и обретают собственную душу или разум.

¹² Каппа – это водяной дух из японской мифологии, напоминающий помесь человека, лягушки и черепахи.

¹³ Тануки – японские енотовидные собаки-оборотни, символизирующие счастье, удачу и финансовое благополучие.

¹⁴ Нэкомата – самый опасный тип бакэнэко, и физически они отличаются тем, что у них два хвоста. Это бакэнэко, которые прожили дольше всех, обладают наибольшей мудростью, силой, а также являются самыми злобными. Они устраивают большие пожары, чтобы уничтожить города и поселки, убивая множество людей, а потом контролируют трупы, порабощая их.

¹⁵ Тётин-обакэ – оживший бумажный фонарь (цукумогами). Когда старый фонарик трескается и рвется вдоль деревянного каркаса, он обретает форму раскрытого рта.

Самое охраняемое здание в городе

Дайске, несмотря на пережитое, решил не бросать изучение нечисти, а наоборот, стал еще больше времени проводить, перекапывая информацию о демонах и потусторонних мирах. Мне кажется, что в книжном он уже не помогает, а вредит, потому что прячется от покупателей и постоянно читает, усугубляя состояние книг, которые и без того рассыпаются от старости. А если они развалятся в процессе, мы их не продадим, что не очень хорошо. А еще Дайске хочет пойти в ученики к Цутому. Цутому это льстит. Но он пытается скрыть. Но он совсем не умеет скрывать эмоции.

Раз в неделю монах учит Дайске обращаться с посохом бо¹, пока мы с Рин пьем чай, посмеиваемся над ними и кидаем саркастичные комментарии.

– Рин.

– М?

– Какой ты ёкай²?

– Зачем спрашиваешь?

– Любопытство, – пожал я плечами, – мы же все тут из этих.

– Все?

– Ну, кроме мелкого. А в тебе я признаков ни одного класса демонов не вижу. Может, у тебя, как у монаха, есть уши и хвост?

– У Цутому есть уши и хвост? – громче нужного воскликнула от удивления Рин, на что монах замер в очередной стойке и начал метать молнии из глаз в мою сторону.

Через секунду я уже бегал по двору храма отбиваясь от разозленного монаха. А что такого-то? Когда вместо того, чтобы целиком превратиться в мохнатое нечто, ты генерируешь пушистые уши и хвост, это же мило. Мы еще некоторое время отбивали друг другу части тела, пока нас разнял старший смотритель храма.

– Эй, – окликнула меня Рин, когда мы расходились, – то, какой я демон, что-то меняет?

– Не-а.

– Тогда закроем тему?

Я кивнул и пошел в свою сторону. Она специально загадочности себе добавляет? Хотя это действительно не имеет значения, но любопытно же.

Кажется, у меня началась паранойя. Не могу отделаться от ощущения, что за мной следят. За несколько дней я открыл столько новых маршрутов от дома до работы, но на всех из них мои воображаемые преследователи были со мной. Денег я никому не должен, в бандах не состою, кем-то известным не являюсь. Да и объект классического сталкинга из меня так себе. Может, подружка Химари всё же решила от меня избавиться?

Протапывая очередной новый маршрут до работы, я свернул за угол многоэтажки, чтобы срезать через двор, но на дороге прямо передо мной вдруг возникла старшеклассница в школьной форме, в маске кицунэ³ на лице и с битой в руке. Японская адаптация Харли Квин? Я развернулся, чтобы уйти, а сзади стояла точно такая же старшеклассница. Тоже с битой. При-

шлось покрутить головой, чтобы убедиться, что мне не кажется. Я так завис от удивления, что поздно заметил, как одна из них, замахиваясь битой для удара, бежит на меня. Я успел сменить облик и развернуться так, чтобы удар пришелся в спину. Вы точно не слышали легенду о том, что барсуки-оборотни, прожившие более сотни лет, покрываются серебристой шерстью, прочной, как самурайский доспех. Мне до сотни далеко, но спина у меня уже вполне себе доспех. Девушка отпрыгнула назад, и в этот же момент меня атаковал ее двойник. Быстрые такие, похвально. Я пригнулся ей под руку и толкнул в бок. Она упала на асфальт и проехала по нему пару метров. Неловко как-то с девушками драться. Тут рядом со мной пролетела стрела. Они привели с собой Робина Гуда? Я поднял взгляд и увидел как в пролете пожарной лестницы стоит высокий мужчина в черном кимоно с золотой росписью. На лице у него была маска типа баффа⁴. В руках лук, за спиной колчан со стрелами и нагината⁵. Я смотрю, он любитель устаревших видов оружия. Это отряд ниндзя? За что мне такая честь? От второй стрелы я увернулся. Третью ждать не стал и побежал прочь.

Я не придумал ничего лучше, чем ломануться к Цутому. Вряд ли мои преследователи люди, а он обряды знает, да и в целом всегда рад нечисти жизнь подпортить. Каково же было мое удивление, когда я увидел, как во дворе храма монах и Рин, стоя спиной друг к другу, отмахиваются от троих мужчин, демонстрирующих навыки ближнего боя, совмещающие приемы нескольких видов боевых искусств. Это нынче подработка такая есть? Они были в классических костюмах и масках окамэ⁶ на лице. Как для ниндзя, звучит неудобно. Но у них хотя бы костюмы разных цветов, в отличие от полностью идентичных старшекласниц. Ребята, увидев меня, обрадовались, но, увидев моих сопровождающих, тут же расстроились обратно.

– Уходим! – крикнула Рин и побежала к задним воротам, за которыми начинался старый район из домов, построенных еще в прошлом веке.

Преодолев ближайший забор, мы оказались во дворе двухэтажного дома с террасой, на крышу которой мы забрались по куче старой мебели. Мне кажется или мужик специально целится стрелами рядом с нами, но не в нас? Не верю, что в такую мохнатую махину как я можно не попасть из лука с десяти метров. Мы перепрыгнули на крышу террасы следующего дома, но в какой-то момент она не выдержала мой вес. Я провалился вниз, где была, судя по количеству пыли, давно закрытая забегаловка. Поднявшись со сломанного стола, я почувствовал, как мне в плечо прилетело битой. И тут же я ощутил удар в спину. Не очень больно, но злит. Следующий удар битой я перехватил рукой. Вырвал биту из рук девушки и сломал пополам. От напавшей на меня второй школьницы я защищался стулом. Девушек бить нехорошо, поэтому было принято стратегическое решение бежать.

Цутому, Рин и троицу сотрудников офиса я нагнал в следующем квартале. Пару раз по пути я видел на крыше их коллегу с луком. У него же нагината есть, почему он избегает ближнего боя, раз со стрелами не клеится? Я только утянул на себя одного офисного трудягу, нанес пару ударов и повалил на землю, как увидел старшекласниц. Вместо биты у одной из них в руках была отломанная ножка стула. Девушки побежали на нас. Офисный работник тут же был поднят с земли и закинут в их сторону. Я решил, что предыдущее стратегическое решение всё еще актуально, поэтому схватил своих союзников и побежал. Переулок, который должен был стать способом смыться, оказался тупиком. Пришлось лезть на пожарную лестницу. Я пропустил Цутому и Рин вперед и, осмотревшись и никого не увидев, полез за ними. Как только мы залезли на крышу, перед нами появился мужчина с луком за спиной и нагинатой в руках. Ого, ближний бой будет? Ах да, у меня же есть стратегическое решение, поэтому я снова схватил ребят и прыгнул прямо на него. Прыжок был мощным, хватка челюсти была сильной, а отку-

шенная рука осталась в пасти. Добежав до края крыши, я спрыгнул на балкон второго этажа и свалился в кусты. За нами никто не бежал. Мы развалились в кустах и всё еще пытались отдышаться, когда Рин сказала:

– Руку-то выплюнь.

Точно.

– По домам? – предложил я через некоторое время.

– Ты сейчас серьезно? – Цутому посмотрел на меня как на идиота.

– Не думаю, что они нас потеряли из виду, скорее просто отстали, – предположил я.

– Думаешь, на этом всё? – обратилась ко мне Рин.

– На сегодня думаю да, – пожал я плечами.

– Пойдемте отсюда, – сказал монах, – по пути обсудим.

Двор, в котором мы оказались, не был сквозным, и выход был только с одной стороны, куда мы и пошли. Перед поворотом на улицу была детская площадка. Детская площадка, где старшеклассницы в масках кицунэ качались на качелях, один сотрудник офиса подтягивался на турниках, второй, кажется, считал, а третий курил рядом. Леголас без одной руки медитировал на скамейке.

Мы побежали в сторону улицы, но в переулке нас встретила пара десятков ребят в костюмах и со стволами. Ну вот, можно же выглядеть стереотипно и не сбивать с толку внешним видом. Дальше тоже были стереотипы: связанные руки, кляп, мешок на голове, давящая тишиной поездка в неизвестность.

В пункте назначения нас выволокли из машины, поставили на колени и сняли мешки. Мы оказались в недостроенной многоэтажке, где, помимо каркаса, пола и части стен, есть только ветер. А нет, вру, вот паук еще ползет.

Перед нами стоял пожилой мужчина. Не очень высокий, но стереотипно атмосферный: классический костюм, галстук бабочка, серьезный взгляд и усы как у Дона Корлеоне.

– Зачем вам Хидеки Инарияма? – он сразу наехал на нас своим низким, чуть хриплым голосом.

Мы втроем непонимающе переглянулись.

– Зачем вам Хидеки Инарияма? – повторил мужчина уже раздраженно.

– Господин, у них рты завязаны, – прервал неловкую паузу его помощник.

– Развязать, – рывкнул он своим людям.

– А его? – уточнил один из его ребят, указывая на меня.

– Пусть дальше в наморднике сидит, одну руку сегодня уже откусил, хватит. – недовольно проворчал местный Дон Корлеоне, на что я громко зарычал, пока не встретил осуждающий взгляд Цутому. А что, я злой и страшный зверь, пусть боятся.

Когда с Рин и Цутому сняли кляпы, он, уже спокойнее, спросил еще раз:

– Зачем вам Хидеки Инарияма?

– Да кто тебе позволил так с людьми обращаться? – начала кричать Рин, на что мужчина жестом приказал завязать ей рот.

– В последний раз спрашиваю, что вам нужно от Хидеки Инариямы? – чуть ли не по слогам спросил он, обращаясь к монаху.

– Я не понимаю, о чем вы, – Цутому поднял на него бесстрашный взгляд.

– Хочешь сказать, это не ты со своим блохастым другом недавно по тюрьме Абасири шастал?

Тут я снова зарычал и снова встретился с осуждающим взглядом. Про блох так-то оскорбительно.

– Получается, вы искали того, чьего имени даже не знаете? – раздалась пара хриплых смешков. – Еще скажите, что хотите возродить Косэй-кан⁷.

Цутому, не опуская взгляд, нахмурил брови.

– Да ладно? – рассмеялся мужчина в костюме. Он остановился, только когда пришлось утирать слезы от смеха.

– Вы знаете, где его найти? – обиженно, но твердо спросил Цутому.

– Я отведу вас к нему. Если вернете мне мое сокровище.

Сокровищем оказалась улика #0927-703А по делу последнего рейда Косэй-кан на организацию, нелегально переправляющую демонов из загробного мира в мир людей. Этот предмет находится в хранилище вещественных доказательств нашего доблестного Федерального Бюро Равновесия. Конечно же, это самое охраняемое здание в городе.

Атмосферный мужчина и его люди разъехались, оставив нас втроем. Привезли непонятно куда, а обратно? Нечестно.

– Пойдем, – спокойно сказал Цутому, – мне надо переодеться.

– По домам? – уточнил я.

– Думаешь, на этом всё? – спросила Рин.

– Ну он же не сказал, что поймает и убьет нас, если мы не принесем ему его сокровище, а зна...

– Нет. – резко прервал нас Цутому. – Я переодеваюсь, и мы идем к федералам.

– Ага. Просто зайдём через главный вход и «подскажите пожалуйста, а где у вас хранилище вещественных улик»? – иронично спросил я.

– Да.

Ну. Ладно. Допустим.

Здание, принадлежащее бюро, было таким высоким, что, казалось, уходит в небо. Цутому оставил нас с Рин в фойе на первом этаже и сказал ждать. Не знаю, в чем состоит его план, но пока что уровень абсурда меня устраивает. Но глаз немного дергается. Иногда.

Цутому вернулся через полчаса с небольшой, обмотанной скотчем, картонной коробкой в руках. На ней был стикер с номером #0927-703А. Вау.

– А так можно было? – удивленно спросила Рин. – Просто прийти и попросить?

– Не совсем, – ответил Цутому, – я запрос еще месяц назад делал, только пару дней как одобрили, времени забрать не было, – объяснил он.

– Но почему... – начал было я.

– Последняя операция Косэй-кан была провальной, но в отчетах есть несостыковки. Я выяснил, что в хранилище вещественных доказательств есть улики с места проведения рейда. Захотел изучить, сделал запрос. Как у монаха, специализирующегося на нечисти, у меня есть некоторые возможности.

– То есть ты просто ее забрал и всё? – недоверчиво спросила Рин.

– Запрос на две недели согласовали, потом я должен вернуть улику. Но, видимо, скажу что сломалась/разбилась/испарилась. Ей лет триста, может прокатит. Тем более, такое действительно бывает.

И вот мы снова в недостроенном продуваемом ветром здании в компании старшекласниц с битами и сотрудников офиса. А вот мужчина с луком оказался демоном бни⁸. Но не со стандартной красной кожей, а с синей. Такие редко встречаются. Высокий, с рогами и торчащими клыками, в черном кимоно с... птицей? Типа рукава-крылья? Лицо и злое, и спокойное. Завораживает. Он сложил руки на груди и... О, у него снова две руки.

Подъехали три машины. Из двух вывалились люди в классических костюмах и с оружием, а из третьей – сонный, но всё еще атмосферный мужчина, похожий на мафиози. На мафиози в халате с натянутой на лоб маской для сна. Маской для сна, оформленной в стиле кицунэ. Я не удивлен. Цутому протянул ему коробку. Мужчина резко оживился и начал практически безуспешно отрывать скотч, на что его помощник протянул нож. Наконец-то открыв коробку, он засиял от счастья. И бросился обнимать Цутому. Ну, видимо, жить будем.

– Ты обещал отвести нас к кицунэ из Косэй-кан, – твердым голосом сказал монах, обращаясь к мужчине.

– Так я уже, – хитро прищурился он, обернулся вокруг себя на 360 градусов и предстал перед нами в облике кицунэ. Кицунэ в халате и с маской для сна в стиле кицунэ, натянутой на лоб. И с девятью хвостами. – Хидеки Инарияма, собственной персоной! – представился он.

Повисла тишина.

– Я как от мокумокурэна⁹ услышал, всё думал, – продолжил он, – какие идиоты решили возродить Косэй-кан? Простите, конечно, но затея, мягко говоря, так себе. Или вы не в курсе трагического конца организации? – спросил кицунэ.

– Хотите сказать, вас не интересует судьба Косэй-кан? – негодовал Цутому.

– Нет. У меня бизнес в гору идет, строю вот разное, – он проделал пальцем круг воздухе, описывая здание, – не до Косэй-канов мне.

– Тогда зачем нас разыскали? – не успокаивался монах.

– Любопытно же. А, ну и сокровище. Я не рассчитывал, что у вас получится, но приятно удивлен.

– Хотя бы скажите, что это? – вмещалась Рин.

– А, это? Это хоси но тама¹⁰, – ответил он и тепло посмотрел на крупную жемчужину, которую держал в руке. – Хвостов у меня много, знаний и сил тоже. Часть из этого хранится тут, – указал он на нее взглядом. – Не сказать, что критически важная вещь, особенно в моей нынешней жизни, но хороший способ не забивать оперативную память.

Кицунэ завис на несколько секунд, потом его как будто осенило и он заговорил:

– А знаете, Араши вам поможет. – сказал мужчина, – Ну, возродить Косэй-кан. – глядя на наши непонимающие лица, добавил он. – Араши, подойди.

К нам подошел Араши – синий демон бони в черном кимоно, с луком и нагинатой за спиной и низким грубым голосом произнес:

– Будем знакомы, я – Араши.

¹ Бо – длинный посох из дерева или бамбука, иногда из металла либо обшитый металлом. Используется в боевых искусствах в качестве оружия.

² Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

³ Кицунэ – японская лиса-оборотень, обладающая высоким интеллектом, долголетием и магическими способностями. Чем старше и мудрее лисица, тем больше у неё хвостов - максимум до девяти.

⁴ Бафф – это универсальный головной убор в виде бесшовной трубы из эластичной ткани. В зависимости от того, как его сложить, он заменяет шарф, шапку, балаклаву, бандану или повязку на голову. Защищает от холода, солнца, пыли и пота.

⁵ Нагината – это традиционное японское холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым клинком. Ее длина составляет около 2 метров, а на конце крепится лезвие длиной 30-50 см.

⁶ Окамэ – это традиционная японская театральная маска, изображающая добродушную, смеющуюся женщину с круглым лицом.

⁷ Косэй-кан – яп. институт справедливости.

⁸ Они – большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в дзигоку, японском аналоге ада.

⁹ Мокумокурэн – это японский ёкай (дух), который, согласно легендам, обитает в старых бумажных перегородках (сёдзи), стенах или татами, усеянных дырами. Название буквально переводится как «множество глаз».

¹⁰ Хоси но тама (яп., «звездный шар») – волшебная жемчужина из японских мифов о лисах-кицунэ, в которой они хранят свою магию.

Тонкости медитации

Араши подошел к делу ответственно. На пару с Дайске он перечитал всю древнюю, почти рассыпающуюся в руках макулатуру в книжном. Даже конспекты делал. Они с мелким, кстати, быстро нашли общий язык.

Помимо энтузиазма, у нашего синего демона, оказывается, еще и много свободного времени, которое он полностью посвящает проработке теорий по Косэй-кану. Если в книжном не слышно, как методично шуршат и перелистываются страницы со скоростью одна в пятнадцать секунд, значит, Араши в храме изучает и дополняет наработки Цутому. Наверняка опять пару книг, не спросив, с собой утащил.

Монах сначала радовался такому интересу, но со временем стал раздражаться от того, что дотошный демон постоянно делал замечания и указывал на ошибки в его бумагах монаха. Теперь Цутому избегал Араши.

Однажды ко мне в книжный влетел разъяренный и запыхавшийся Цутому.

- Пошли со мной, – даже не отдышавшись, выпалил он.
- Я работаю вообще-то, – возразил ему я.
- Ты закрываешься через пятнадцать минут, – сквозь зубы процедил он.

Что ж, я попытался. Монах отвел меня в отдаленную часть территории храма, где он служит.

– Вот, смотри! – он обеими руками показал на адзумаю¹, традиционную беседку для отдыха.

Там стояли стопки книг, валялись свитки, были разбросаны бумаги, иногда скомканные. На одной из книжных башен стояла портативная колонка, из которой доносился лоу-фай² с национальными мотивами. А еще в беседке был Араши, который разбирал пол.

- Он мне уже половину досок отодрал! – возмущался Цутому. – Забери его отсюда или я донесу на него лично царю Эмме!
- Попроси его остановиться? – предложил я.
- Думаешь, я не пробовал?
- Попроси вежливо?

Теперь Цутому, кажется, пытался испепелить меня взглядом.

- Араши, зачем ты его злишь? – вздохнув, спросил я демона.
- Мышь, – он перевел взгляд с пола на меня. – Скреблась. Мешала медитировать.

Монах ударил себя ладонью по лбу, развернулся и пошел прочь.

– Цутому, стой! – крикнул вслед уходящему монаху Араши, на что тот развернулся и показал ему абсолютно неприемлемый для служителя храма жест. – Я кое-что нашел. – продолжил он. – Под полом.

Монах резко остановился. Через несколько секунд любопытство победило, он развернулся и пришел обратно.

– Смотрите, – кивнул синий бни³ в сторону дыры в полу.

Под полом был... склеп? Грязно-красная плитка на полу и на ней местами почерневший от плесени каменный саркофаг. На плите были высечены геометрические знаки, похожие на печати. Большая печать была расположена так, что ее центр совпадала с сердцем предполагаемого мертвеца, печать поменьше была по центру головы головы и две таким же размером – в районе коленей и стоп. Из плиты, из центра большой печати, торчал меч цуруги⁴.

Он вытаскивается или нам нужен король Артур?

– Цутому, что это за хрень? – спросил я.

– С чего ты взял, что я в курсе?

– Ты же здесь работаешь.

– Думаешь, мне в первый рабочий день провели экскурсию по местному подземелью? – раздраженно спросил он. – Не знаю я. Мне кажется, вряд ли кто-то здесь вообще в курсе.

– Предлагаю не трогать, пока не разберемся, что к чему, – сказал Араши.

Я вот не согласен, можно же вытащить меч, отодвинуть крышку и всё узнать. Но Цутому кивнул на предложение демона.

Пару дней синий бни и монах провели в библиотеке, изучая наследие древних времен, кажется, вообще всех цивилизаций. Безрезультатно. Рин, между прочим, со мной согласилась. Про вытащить меч и вскрыть гробницу. Потом мы начали шутить, что, мол, только тот, кому предназначено судьбой, сможет вытащить цуруги и спасти этот порочный мир.

Как-то я застал Цутому сидящим на краю дыры в беседке. Он как будто хотел, но не решился прыгнуть вниз.

– Иди вытаскивай, – сказал я. – Если это предназначение, ты единственный, кто достоин трона британского Камелота, – пошутил я.

– Это не смешно. – нахмурился монах.

– Из нас всех в тебе меньше всего нечисти, – пожал я плечами, на что Цутому нахмурился. – Ладно, шучу. Просто ты по-настоящему праведный монах, который защищает людей от потусторонней нечисти. Кто, если не ты? Сменишь посох на меч. Считай, апгрейд.

– А если не смогу вытащить? – сомневаясь, спросил Цутому.

– Значит, это просто оригинальный способ украсить гробницу, а меч там заржавел. Сыро же в подвале, вон даже мох виднеется. Принесем молоток, топор или чем там камни разбивают, а там как пойдет.

Камни из прошлого прочнее нынешних чтоли? Цутому меч не вытащил. В соответствии с рейтингом достоинства, следующей цуругу из камня не достала Рин, потом Араши, потом я. Мы даже Дайске попросили попробовать, мол, вдруг тут нужен стопроцентный человек. Стало даже как-то стремно, что мы допускали мысль, что это не просто меч. Похоже, нам хотелось магии. А в итоге мы несколько часов по очереди долбили камень ломом и молотком, но только царапали и не продвинулись вглубь даже на сантиметр.

– Тэцу. Обращайся в оборотня и бери молоток, – обратился ко мне Араши, когда мы поднялись отдохнуть и подышать свежим воздухом.

– Обращайся в синего демона и сам бери молоток. Я устал. – огрызнулся я, на что получил три осуждающих взгляда одновременно.

Чего только не сделаешь, лишь бы отстали. Я поплелся к разлому и прыгнул вниз, поменяв облик в процессе. Вы поняли, да? Прыгнул человек, приземлился оборотень. Круто же?

– Ты молоток забыл, выпендрожник, – подала мне сверху инструмент Рин.

Через пять минут стало стыдно. Мне хватает сил швырнуть ёкая⁵ в стену так, что по ней будет сползать каша, а отколоть маленький кусочек от этого дурацкого камня мне, значит, сил не хватает? Я так разозлился, что совершенно неуважительно залез на плиту с ногами, изо всех сил сделал несколько мощных, хаотичных и безрезультатных ударов, а потом не выдержал, схватил цуруги обеими руками за рукоятку, дернул вверх и... вытащил. Печати у меня под ногами засветились. Сначала еле заметно, потом всё ярче и ярче, а потом линии резко вспыхнули пламенем и сразу погасли. Вместе с огнем с плиты исчезли и сами печати. Магия всё же случилась.

Надо было Цутому предложить выпустить уши и хвост, прежде чем вытаскивать меч, может, сработало бы.

Когда я выбрался наверх, вокруг стало темнеть. Небо заволок движущийся по кругу в форме купола вихрь, который становился все гуще. Хорошо, что Дайске домой отправили. С разных сторон вихря начали отделяться кёкоцу⁶, скелеты-призраки в лохмотьях и с редкими волосами-паклями, облепляющими череп.

Цутому схватил доску подлиннее, Араши откуда-то достал свою нагинату⁷. Я протянул меч Рин, опытной в обращении с холодным оружием, но она одернула руку едва прикоснувшись к нему и подняла с земли какую-то палку. Тварей становилось всё больше и в какой-то момент они все полетели на нас.

– Не отходим далеко друг от друга! – крикнул Араши, приняв облик демона и начал отбиваться от нечисти. Мощный он всё-таки.

Цутому и Рин встали спиной друг к другу, но кёкоцу становилось так много, что, кажется, скоро через них мы не сможем видеть друг друга. Отбросив бесполезный мне цуруги, я рванул на помощь. Старался не подпускать тварей к ребятам, разрывая их руками и пастью. Кстати, на вкус кёкоцу оказались как пыль. Фу. Я прикрывал Рин, когда скелеты выбили из ее рук оружие. Араши твердо стоял на ногах, но и ему становилось всё сложнее двигаться под натиском нежити. Эти твари давили количеством со всех сторон одновременно. Самым неприятным было то, что они не умирали: рассыпавшиеся от ударов кости тут же собирались обратно.

– Надо спрятаться! – крикнул я, понимая, что Цутому выбивается из сил, а я не могу оставить безоружную Рин. – В склеп! Я прикрою.

Араши, расчищая дорогу, пошел вперед. Сразу за ним Рин и Цутому. Я двигался спиной вперед и отбивался от скелетов, летящих за нами. Стоило начать отставать, как твари своим количеством придавили меня к земле так, что я мог только ползти. Медленно, разочарованно

и злясь. Вскоре я нащупал рукой отброшенный мною цуруги и решил попробовать подняться, используя его как опору. Двумя руками схватив его за рукоятку, я упер конец лезвия в землю, толкнул меч, приводя его в вертикальное положение и вдавил острием в землю. В ту же секунду на земле вокруг клинка загорелась печать. Постепенно она становилась ярче, а потом вспыхнула и погасла, расходясь мощной волной света во все стороны. Получается, я теперь король Артур? Этого мне только не хватало.

Волна от печати испепелила всех кёкоцу и, через пепел, который испарялся не долетая до земли, стало видно солнце.

Из склепа показалась голова ухмыляющегося Араши. Он вылез сам и помог остальным. Я всё еще стоял на одном колене держась за рукоятку меча, когда услышал, как смеялась Рин.

– Видел бы ты свое лицо, – она подошла и стряхнула с моих плеч пепел. – Поднимайся, рыцарь, сегодня ужин за твой счет.

Цутому в это время широко улыбался и выглядел очень довольным. Может, ему в голову неудачно прилетело?

– Я не понял, чего он такой счастливый? – спросил я Рин, кивая в сторону монаха, который всё еще улыбался как безумный.

– Он поспорил с Араши на то, что ты вытащишь цуруги в облике оборотня. – сказала Рин. – Наш синий демон проиграл, а значит, теперь он не будет показываться в храме. Вот Цутому и радуется.

– А ты чему радуешься? – спросил я Араши, который стоял и тоже безмятежно улыбался.

– Это печати времен Косэй-кан. Считалось, что эта магия умерла вместе с создателем, единственным, кто мог ее использовать. Так что, это, – показал он на цуруги, – моя самая реальная зацепка за последние 50 лет. Так что я тоже радуюсь. – ухмыльнувшись, закончил демон.

¹ Адзумая – традиционная садовая беседка, которая строится на возвышенностях или у водоемов. Она предназначена для тихого отдыха и созерцания сада.

² Лоу-фай – это эстетика в музыке, в которой сознательно используются «несовершенства» звучания: шумы пленки, треск винила, приглушенные частоты и легкие искажения.

³ Они – большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в дзигоку, японском аналоге ада.

⁴ Цуруги – это традиционный японский прямой обоюдоострый меч, исторический предшественник знаменитых изогнутых самурайских катан.

⁵ Ёкай – сверхъестественные существа в японской мифологии.

⁶ Кёкоцу – злобный дух из японской мифологии в виде призрачного скелета. Он одет в рваный саван, и только белеющий череп да спутанные волосы виднеются среди лохмотьев. Кёкоцу возникают из костей, сброшенных в колодец. Кости могут принадлежать убитому, самоубийце или человеку, который упал туда случайно. Отсутствие надлежащего погребения – и вопиющее бесчестие от такого обращения, – вызывает в костях мощную энергию злобы.

⁷ Нагината – это традиционное японское холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым клинком. Ее длина составляет около 2 метров, а на конце крепится лезвие длиной 30-50 см.

Сострадание

Араши стал еще активнее искать информацию по Косэй-кан. После того, как Цутому добился того, чтобы наш синий демон не показывался у него в храме, он практически всё время проводит в книжном. Я разрешил ему пользоваться комнатой для персонала, что было ошибкой, ведь теперь она выглядит как библиотека после торнадо.

Демон доставал меня каждой мелочью, которую находил про печати цуруги¹. На мои слова, что мне это не нужно, ведь я не планирую доставать меч из подсобки, он пригрозил, что насильно заставит научиться им пользоваться.

– Тэцу, это тебе. – Араши протянул мне стопку бумаг, на что я поднял на него вопросительный взгляд. – Про печать на саркофаге в области головы. – пояснил он. – По той, которую ты использовал тогда в храме, и остальным двум пока пусто.

– Краткого содержания будет достаточно. – пробубнил я себе под нос, возвращаясь глазами к томику манги у меня в руках, на что демон нахмурился и сказал:

– Если завтра не перескажешь мне всё от и до, сдам тебя бюро, а они отправят в ад, а там будет предостаточно времени на изучение разных материалов.

Бесплотная песнь. Освобождающая. Ну и название. На следующий день я сказал Араши, что даже если научусь пользоваться этой печатью, никогда не буду ее использовать.

– Почему? – удивился он.

– Демоны, совершившие зло, должны понести наказание за свои действия. Без исключений. – твердо и уверенно ответил я.

– Как давно ты стал таким категоричным? – спросил меня Араши, приподняв одну бровь.

– Разве не за такую справедливость борется Цутому? Может, я проникся его моралью? – съязвил я.

– Смысл этой печати не в справедливости, а в сострадании. – вздохнул Араши.

– Разве сострадание противоречит расплате за содеянное? Купаться в сочувствии можно и находясь на одном из кругов Дзигоку. – возразил я.

– Безусловное сострадание. Сопереживать, не требуя взамен покаяния, расплаты или чего-то еще.

– Сопереживать убийцам, серьезно? – не унимался я.

– Тэцу, ты сам такой. – раздраженно выдал демон.

– Я не считаю, что достоин обнуления грехов за просто так. Но считаю, что печать должна бороться со злыми духами, а не отправлять сразу на мирное перерождение, минуя расплаты в виде суда Эммы² и страданий в аду.

– Выучи технику применения этой печати. – приказным тоном сказал Араши после некоторого молчания.

– Эй, не ругайтесь там, – послышался голос Дайске из-за стеллажа с романтической мангой. Взрослеет парень.

Бесплотная песнь. Песнь, которая очищает души от скверны. Которая меняет их участь. Я не хочу решать чужие судьбы. Защищать – да. Брать на себя ответственность за чье-то будущее – нет.

Защищать. О как заговорил.

От неприятных мыслей меня отвлекла Рин. Мы с ней и Цутому договаривались пообедать. Кстати, Рин преподает кэндо. Бамбуковые мечи синай³ и самурайские техники. Вот почему она так хороша с катаной в руках. Теперь Рин – мой личный инструктор, учит обращаться с цуруги. Издевается над моими отсутствующими навыками и заставляет называть ее сенсеем. Я сопротивлялся ровно до момента, когда она, хоть и в рамках правил, избила меня синаем, повалила на живот и заломила руки. А вот это было уже не по правилам. Жестокий у меня сенсей.

Цутому задержался. Пришел хмурый и задумчивый. Слышал, его к федералам вызывали.

– Ты накосячил и тебя наказали? – попробовал пошутить я.

Монах посмотрел на меня со всей серьезностью и заговорил:

– Пару месяцев назад стали пропадать люди. Сначала думали, может обычный маньяк. Кто-то из реальных преступников даже пытался взять ответственность за происходящее и забрать славу себе. Со временем стало понятно, что пропавших в последний раз видели на станции метро Гисэй. Копы несколько раз обыскали район, ничего не нашли и передали дело Бюро Равновесия.

– Дай угадаю, они тоже ничего не нашли? – спросил я.

– Не нашли. Организовали патруль, но его члены тоже начали пропадать. Даже если патрульные были ёкаями. Правда пропавших постепенно становится меньше, но ждать, что всё само собой образуется, они себе позволить не могут, отчеты никто не отменял.

– Теперь монахов в патруль поставить хотят? – фыркнула Рин.

– Ага. По их мнению, уж мы-то сможем себя защитить. – Цутому опустил взгляд.

– Не думаю, что это принесет результаты. – сказал я.

– Всё так же не веришь в таких, как я?

– Думаю, у бюро идиотские правила работы.

– А ты научи их, как правильно? – парировал монах.

– Так я тоже не умею.

– То-то же.

Я задумался. Цутому явно нервничает. Бюро жалеет своих ребят, но не жалеет монахов, выполняющих большую часть работы по отлову нечисти для их конторы. Нечестно.

– Когда приступаешь? – спросил я монаха.

– Сегодня.

Остаток обеда прошел молча. Когда мы расходились, я сказал Цутому:

– Я с тобой пойду.

– И я, – подхватила Рин.

Монах не стал сопротивляться, лишь кивнул.

Пара ночей в патруле прошла без инцидентов. Приходилось отсыпаться на работе, но лучше так, чем всю ночь ворочаться и всё равно не спать от переживаний.

Как-то раз в выходной мы с Рин валялись на траве за храмом. Цутому сначала возмущался и говорил, что это крайне неуважительное поведение в святом месте, но потом присоединился к нам. Через пару чайников чая коллега монаха привел к нам девушку.

– Это я виновата, – тихо сказала она, опустив взгляд.

– В чем? – аккуратно спросила Рин.

– Гисэй, – она замялась на пару секунд, – что на станции Гисэй люди пропадают.

Глаза Цутому округлились от удивления, Рин нахмурилась, а я недоверчиво хмыкнул. Девушка сделала глубокий выдох и заговорила:

– Два месяца назад мы с подругой были там. Метро закрывается в полночь, а поезд по расписанию прибывает на станцию за двадцать минут до этого. Но когда мы вышли из вагона, электронные часы на платформе показывали полночь. Когда мы бежали к выходу, все светильники вокруг начали мигать и выключаться. Мне стало страшно, но Хитока, моя подруга, сказала, что станция закрывается, вот свет и выключают. Выход из метро был закрыт. Мы пробовали докричаться до кого-нибудь, но ответа не последовало. Я хотела позвонить в службу спасения, но увидела, что мобильная связь пропала. – девушка еле сдерживала слезы.

– Что было дальше? – спросил Цутому.

– Мы вспомнили, что на платформе есть таксофоны, они же должны работать без сотовой связи. Освещая путь фонариками на телефоне, мы стали спускаться обратно. Вдруг послышался шум. Как будто ветер издали приносит звуковые помехи. Хитока убедила меня, что это ветер, мол, тут же тоннели. Почти дойдя до ближайшего таксофона, мы услышали громкий хриплый стон, эхом отлетающий от стен. Резко развернув фонари на звук, мы увидели окровавленную женщину в лохмотьях, оставшихся от когда-то белого кимоно. Длинные слипшиеся пакли черных волос, пустые глазницы и рот, с одной стороны разорванный практически до уха. Из множества ран по всему телу стекала кровь. Её туловище было практически отделено от ног и держалось на натянутых, местами вываливающихся, внутренних органах. Точно так же выглядела левая нога чуть ниже колена и плечо правой руки. От ужаса я выронила телефон.

Девушка окончательно разревелась. Рин начала аккуратно поглаживать ее по плечу, на что та бросилась ей на шею и несколько минут не могла остановить слезы. Успокоившись, она продолжила свой рассказ:

– Когда женщина вытянула вперед руку и потянулась к нам, Хитока взяла меня за руку и мы побежали к выходу с платформы, но сильным потоком воздуха нас отбросило назад так, что я упала вниз, на рельсы, а она оказалась на краю платформы. При ударе я повредила ногу. Подруга пыталась помочь мне подняться вверх, но каждый раз ее откидывало ветром назад на несколько метров. Я кричала, чтобы она уходила пока может. А она всё продолжала возвращаться ко мне. В очередной раз Хитока оказалась дальше обычного, а женщина в кимоно резко оказалась рядом, крепко схватила меня за руку и потянула на себя. Из-за ноги я даже сопротивляться не могла, и мне не оставалось ничего кроме как плакать от бессилия, пока она тащила меня за собой в тоннель. Но Хитока спрыгнула вниз, догнала, обняла меня за талию и

потянула назад. Монстр развернулась и, широко открыв порванный рот, хрипло заскулила. «Я пойду!» – закричала Хитока. Женщина отпустила мою руку, и мы с подругой упали на землю. Я не могла пошевелиться от страха, а моя подруга встала, взяла за руку демона и исчезла с ней в темноте туннеля. Стало тихо, а потом загорелись все лампы.

Повисло молчание, которое нарушали лишь тихие всхлипы девушки, потерявшей подругу.

Станция была перекрыта. Пролезть через ограждение было просто, а вот войти внутрь получилось, лишь выломав дверь. На часах почти полночь. Освещения нет. На всякий случай перекинувшись в оборотня, я пошел вперед, освещая путь фонариком. За мной шла Рин с катаной, а сзади Цутому. Ничего не происходило. Я подошел к краю платформы и прыгнул вниз.

- Ты чего творишь? – шепотом злился на меня монах.
- В тоннель пойду, – ответил я.
- Один? – с укором спросила Рин.
- Ну я же сильный и...

Не успел я договорить, как почувствовал сильный порыв ветра из глубины туннеля. Вскоре оттуда послышался хриплый стон. Пока всё так, как и рассказывала девушка в храме. Я продолжил двигаться в сторону туннеля несмотря на «стой», прилетевшее мне в спину. А чего тянуть-то? У меня есть фонарик, а с этой выдающейся женщиной-духом всё равно придется встретиться. Лишь бы ребятам хватило ума не... Цутому всё-таки прыгнул. Чем ближе ко входу в туннель, тем сильнее становился поток воздуха.

- Уходите! Я не смогу ее долго сдерживать! – раздалось из темноты.

Мы переглянулись.

- Ты же Хитока, да? – прокричал Цутому.
- Уходите! Я вас не пропущу! – в тоннеле показалась девушка с короткой стрижкой и серьезным взглядом. Дух девушки.
- Мы можем помочь, – осторожно обратился к ней монах.
- Отправить ее в ад, – ухмыльнувшись, добавил я.
- Нет! – отрезала Хитока. – Она не виновата! Виноваты те, кто с ней это сделал! Она не выбирала быть такой.

- Это онрё⁴, – хором сказали мы с Цутому.

Онрё – это души людей, погибших не своей смертью. Очень... нехорошей смертью. Их удерживает в этом мире ярость, выросшая из обиды и несправедливости. А потом она перерастает в месть, часто слепую.

Я заметил, как Рин переменилась в лице.

- Рин? – обратился я к ней.

– Я пойду, – кивнув в сторону тоннеля, сказала она, – я знаю, что делать.

Вот оно как, грустно улыбнувшись, подумал я. Такой вариант я даже не рассматривал.

Рин спустилась на рельсы и пошла в сторону тоннеля. Цутому бросился за ней, но я остановил его, удержав за плечо. Девушка с короткой стрижкой в растерянности отошла в сторону, освобождая Рин дорогу. Вскоре ее силуэт растворился в темноте. Раздался пронзительный рев. А потом еще один. И еще. Монах непонимающе посмотрел на меня и начал вырываться так, что я, кажется, чуть пару костей ему не сломал, не позволяя освободиться. Немного позже мы услышали стенания, похожие на плач. Когда всё затихло, мы увидели Рин, выходящую из тоннеля. В одной руке она держала катану, а в другой – голову онрё, замотанную в лохмотья белой ткани так, что было видно только часть порванного рта и волосы, свисающие с этой же стороны. Ткань как будто бы двигалась. Она еще дышала?

– Если размотать, она соберет свое тело обратно, – пояснила Рин.

Её взгляд помрачнел, когда она увидела, что я достаю цуруги. Хитока подбежала, вырвала из рук Рин голову женщины-онрё, прижала к себе и скомканно заговорила:

– Пожалуйста, не убивайте ее! Я же уже лучше ее сдерживаю, да?

– Сдерживаешь? – спросил Цутому.

– Да! Когда она не справляется с яростью, я путаю ее в пустых тоннелях или отпугиваю тех, кто хочет спуститься на станцию, – сказала девушка.

Так вот почему в последнее время пропавших стало меньше. Добровольно отказаться от жизни ради кого-то, сдерживать страшного монстра, защищая людей. Уверен, Цутому оценил.

По всей длине лезвия в воздухе вокруг меча стали расходиться разные геометрические фигуры и знаки. Я в один прыжок оказался рядом и пронзил мечом Хитоку и голову онрё одновременно. В этот момент линии сложились в печать, которая светилась ярким белым светом. От нее расходилась волна звука, напоминающая эхо от храмовой поющей чаши. Потом печать потухла, а духи девушки и женщины рассыпались белыми искрами, исчезающими в воздухе.

Так вот ты какая, бесплотная песнь.

Мы с монахом были почти на лестнице по пути на выход из подземки, когда заметили, что Рин всё еще стоит у путей. “Иди” – сказал я Цутому и вернулся на платформу. Услышав шаги, она повернулась и подняла на меня совершенно пустой и нечитаемый взгляд. Казалось, что она смотрела, но не видела. А потом Рин резко подошла ко мне и обняла. Я ответил тем же.

– Спасибо, – еле слышно сказала она в мое плечо. – Ты же...

– Никому не скажу.

– Значит, и правда не имеет значения? – неуверенно спросила Рин.

– Не имеет. – ответил я и обнял ее сильнее. Она ответила тем же.

Мы простояли так некоторое время. Потом Рин отстранилась, шмыгнула носом, вытерла глаза рукавом толстовки, взяла меня за руку и потащила к выходу.

Наутро на платформе станции метро Гисэй нашли труп девушки. А на путях растерзанное тело женщины, без вести пропавшей два месяца назад. За день до исчезновения Хитоки.

¹ Цуруги – это традиционный японский прямой обоюдоострый меч, исторический предшественник знаменитых изогнутых самурайских катан.

² Царь Эмма – в японской мифологии и буддизме верховный бог, властелин и судья мертвых, правящий подземным адом Дзигоку.

³ Синай – бамбуковый спортивный меч. Используется для тренировок в кэндо, а также других видах боевых искусств.

⁴ Онрё – призрак умершего человека, вернувшийся в мир живых ради мести, восстановления справедливости или исполнения некоего проклятия. Это души людей, умерших от сильных страстей – зависти, гнева или ненависти, – таких, что их душа не может пройти дальше. Часто онрё становились жертвы войны, катастроф, предательства, убийства или самоубийства – и на них видны раны или следы, указывающие на то, каким образом они умерли.

Цветок смерти

В городе стало беспокойно. Точнее Цутому стал беспокойным, а значит, его федеральное начальство беспокойно, а значит, в городе беспокойно.

В последнее время были еще случаи с пропавшими людьми, но сотрудники бюро и коллеги Цутому быстро справлялись с возникшими проблемами. Монах рассказывал про дзё-рогумо¹, женщину-паука, в заброшенной школе, про очередного нэкомата-людоеда², разводящего зомби. Из интересного, нурэ-онна³ в дальней части набережной и ямауба⁴ в горах туристической деревни. В итоге, Цутому постоянно занят.

Рин продолжала регулярно избивать меня синаем, то есть тренировать. Тем не менее, сенсей говорит, я не безнадежен. А в книжном жизнь текла как обычно.

– Мы едем в соседнюю префектуру, – заявил мне как-то Араши.

– М? Зачем? – поинтересовался я.

– В одной деревне закрывается школа. Я договорился, чтобы часть книг из библиотеки досталась нам. Надо забрать. – объяснил синий демон.

Ах да, Араши же теперь тоже тут подрабатывает. У него оказывается талант находить книги, которые невозможно найти. И привлекать клиентов женского пола от 30 до 70 лет.

– А все транспортные компании резко закрылись? – спросил я.

– Почти. Завтра пятница, Сябун-но хи⁵, день осеннего равноденствия и праздник поминовения усопших. Это выходной, а потом еще два выходных. А в понедельник утром школу сносят.

Вообще я люблю книги. Но не люблю работать в выходные. До нужной деревни мы ехали часа четыре. Где-то через час городские пейзажи сменились бесконечными, уходящими за горизонт полями. Хоть бы горы для разнообразия по пути были, но нет, сплошь поля да редкие населенные пункты.

В школе нас встретила Танака сенсей, еще вчера директор этого учебного заведения. В перерывах между работой мы пили ее фирменный “сама собирала” чай, слушали про передовые технологии выращивания риса, кивали на «раньше было лучше» и посмотрели фотографии ее внуков. И трех котов. Когда мы закончили, а книги были загружены в машину, мы поблагодарили сенсея, попрощались и поехали. Вот только почему-то Араши, вместо того, чтобы поехать в сторону города, повернул на дорогу, ведущую вглубь деревни.

– И куда мы едем? – я непонимающе поднял бровь и посмотрел на демона.

– Надо кое-что проверить, – ответил он.

– Может, все-таки домой? Темнеет же, – с надеждой в голосе спросил я.

Араши отрицательно покачал головой и медленно поехал дальше. Изредка навстречу нам попадались шарахающиеся от света фар люди с встревоженными лицами.

– Что они тут делают? – спросил я.

– Праздник поминовения усопших, Сьобун-но хи. А там, – кивнул в сторону дороги Араши, – старое кладбище.

– Мне кажется или они какие-то напуганные?

– Там уже лет 50 на каждый этот праздник происходит что-то нехорошее. Говорят, поэтому постепенно отсюда все съезжают. Жителей стало меньше, учеников стало меньше, поэтому школа и закрывается.

– Раньше не мог сказать, что на встречу с потусторонней хренью едем?

– Сам сегодня узнал. Танака сенсей рассказала, когда очередной чашке чая ты предпочел крышу.

– Полагаю, мое присутствие ничего бы не изменило.

Скученные надгробия разных форм и размеров в сумерках выглядели как маленький каменный город. Около некоторых могил догорали свечи. Сразу видно, у кого самые смелые родственники. Людей на кладбище не было.

– Местные считают, что, если уйти до заката, ничего плохого с ними не случится, поэтому здесь никого, – сказал демон.

– А мы, видимо, остаемся на ночь, – вздохнул я.

Солнце почти село, когда из глубины кладбища послышалось глухое гудение. Присмотревшись, я увидел, что у некоторых могил появляются языки пламени, которые собираются в подобие шара и блуждают по надгробию и вокруг могил.

– Хаканохи⁶, – послышался голос Араши.

– Они ж безвредные, – сказал я, – вряд ли из-за них люди бегут из деревни.

– Пошли, – демон указал рукой в сторону дороги, на которую начали стекаться шарообразные сгустки огня.

Мы прошли за ними через всё кладбище и вышли к полю. Вы когда-нибудь видели поле, заросшее красным ликорисом, на закате? Ликорис, его еще называют паучьей лилией, считается цветком смерти, а красный цвет, мол, потому что он впитывает из земли кровь мертвецов. У ликориса в народе много негативных значений. Но с тем, что он притягательно красивый, никто не спорит.

– Танака-сенсей говорит, поле сильно разрослось за последние годы, – сказал Араши. – Ты ведь знаешь, что цветущий на земле ликорис одновременно покрывает и берега...

– Реки Сандзу в аду, да. Еще одно место соприкосновения подземного и человеческих миров, – договорил я.

Так вот, вы когда-нибудь видели поле, заросшее красным ликорисом, на закате? Оно горит. Легкий ветер колышет кроваво-красные цветы, плотно покрывающие землю, создавая ощущение живого пламени. А над ним, уже в почти черном небе, догорает красно-оранжевый закат. Уверен, это самый красивый портал в потусторонний мир.

В какой-то момент среди цветов в разных местах стали подниматься призраки. А вот это уже интересно.

– Это же юрэй⁷? – обратился я к Араши.
– Похоже на то. – подтвердил он.
– Дак они ж тоже по сути безвредные.
– Для нас. Представь, как они расползаются по деревне и пугают людей своим воем. Тем более иногда и они бывают физически агрессивными. – сказал Араши.

– Зато у местных монахов, отлавливающих ёкаев, всегда есть работа. – пожал я плечами.
– Думаешь, монахи о таком мечтают? – спросил он.

– Ну, Цутому всегда рад.

Демон осуждающе на меня посмотрел.

– Не хочу с ними драться. – заявил я.
– Не дерись, – ответил Араши, доставая лук.

Он начал отстреливать духов, не дожидаясь, пока они дойдут до края поля. Хорошо стреляет. Я стоял и смотрел на солнце, которое почти скрылось в цветах.

– Красиво, правда? – послышался сбоку женский голос.

Рядом со мной стояла и крутила в руке цветок ликориса девушка, думаю, ровесница Дайске.

– Ты чего тут делаешь? – спросил я, – Здесь вроде как опасно. О...

Девушка оторвала цветок от стебля и сжала его в руке. Между сжатых пальцев ладони потекли ручейки крови. Резкий порыв ветра всколыхнул поле ликорисов, которое, успокоившись, оказалось рекой крови, в которой мы стояли почти по колено.

– Ты был здесь? Узнаешь?

Как не узнать под светом красной луны почти родной Дзигоку⁸, где даже воздух с привкусом пепла.

– Чего ты хочешь? – спросил я.
– Красная паучья лилия означает смерть, разлуку и память о прошлых жизнях. Всё про меня, представляешь? – улыбнулась она.
– Не представляю.
– Ладно. Земля, на которой растет ликорис, на время цветения перестает принадлежать только живым.
– Поэтому здесь ты. Но?
– Нас разделили. – подняла взгляд на горизонт девушка и продолжила – меня и брата.
– Он жив, а ты нет? Ну тут только ждать.

Хм, а по аду я не скучаю.

– Мой брат... тут, но с другой стороны. Сложно объяснить. Мы застряли в пограничье. Барьер между мирами здесь нестабильный, и я за ним, а он – нет. Но мы оба тут.

– И вы оба повреждаете барьер в разных местах, но не можете найти друг друга, зато можете выпускать кучу духов, что потом кошмарят живых?

Девушка опустила взгляд.

– Слушай, мне жаль, но я не умею открывать порталы между мирами или что-то типа того. – сказал я.

– Твой друг открывает – хитро улыбнулась она.

Очередной резкий порыв ветра пустил рябь по реке крови, и мы остались всё так же в крови, но с полем ликорисов, растущих из нее.

Перед нами оказались Араши, весь такой серьезный, синий и в кимоно, и парень, видимо тот самый брат, потому что они с девушкой моментально бросились в объятия друг друга.

А демоны они действительно могущественные маги.

Было поздно, но Араши настоял на том, чтобы заехать к бывшему директору школы. Оказалось, они познакомились в каком-то онлайн книжном клубе, обсуждали Торияму Сэки-ена, и как-то раз Танака сенсей поделилась этой историей. Демон соврал ей, что он бывший монах-экзорцист, и вот мы здесь.

– Получается, удачное стечение обстоятельств для брата и сестры? – спросил я Араши.

– Не совсем. Я был здесь год назад, но один не справился.

– Да ладно? Чтобы ты и не справился?

– Я совершенно не чувствую их души на расстоянии, поэтому не могу открыть портал там, где будет сестра. И наоборот.

– Что изменилось сегодня?

– Ты. Из тебя демоническая энергия так и хлещет. Невозможно не почувствовать. Иногда даже бесит.

Мы пили фирменный “сама собрала” чай и выслушивали благодарности за помощь. Даже мне перепало. Пока Танака-сенсей что-то увлеченно рассказывала Араши, я развлекался рассматриванием чужих фотографий на полке. На одном из снимков я увидел девушку с поля, обнимающую девочку лет восьми.

– Ты ее видел, да? – грустно улыбнулась она. – А это я! – указала она на девочку на фото.
– Не узнаешь? Ну конечно, уж полвека прошло с тех пор.

– Вот как, – ухмыльнулся я и поставил рамку на место.

– Близнецы Ханако и Хикару жили в соседнем доме, сколько себя помню, они за мной присматривали. Родителей не стало, когда им было по 13. С тех пор жили одни, из родственников была только тетка в соседней деревне, но она не захотела забирать брата и сестру к себе.

– Разве так можно? – спросил я.

– Тогда времена другие были. Но всё у близнецов было хорошо, пока Ханако как-то не полезла на чердак и неудачно упала, позвоночник повредила. Лечение помогало плохо, и со временем она почти перестала ходить. Хикару очень о ней заботился. Всё свое время посвящал тому, чтобы быть рядом и поддерживать. Но сестре это не нравилось. Как не нравилось и то, что он передумал учиться в старшей школе в соседней префектуре. У нас тут только средняя была, за образованием и светлым будущим надо было уезжать. Не хотел Хикару сестру с теткой оставлять, был готов от всего отказаться ради нее. – Танака-сенсей о чем-то задумалась. – Знаешь, такие они оба хорошие были. Как же мне их не хватало.

Женщина замолчала. Некоторое время она стеклянным взглядом смотрела вперед, потом выдохнула, проморгалась и продолжила:

– В осенний праздник поминовения усопших Ханако попросила брата нарвать красных ликорисов, мол, раз она не может навестить могилу родителей, то исполнит традицию возложения цветов, поставив букет паучьих лилий, которые принято преподносить покойникам. Хикару выполнил ее просьбу. Вот только когда он вернулся с молебна в храме, застал сестру мертвой. На столике рядом был чайник, а на полу лежала разбитая чашка. Вместо чая брат обнаружил заваренный ликорис. А он жуть какой ядовитый. Хикару принес чашку и допил оставшийся напиток. – по щекам Танака-сенсея потекли ручейки слез. – Это я их тогда нашла.

Воцарилось молчание. Чай в горло не лез. Как будто бы не оставалось ничего, кроме как не двигаться и смотреть в пол.

– Мне... очень жаль, – выдавил я из себя всё, что мог.

Сенсей предложила заночевать у нее, но благодаря Араши и его умению убеждать, мы поехали обратно в город.

– Не понимаю, почему они разделились на границе между мирами? – спросил я.

– Сестра умерла до полуночи, а брат после. Моления обычно поздно заканчиваются, а храм у них далеко. Осеннее равноденствие тоже относится к дням, когда барьер между мирами истончается. Ханако успела пересечь барьер, но душа ее тянулась обратно. Хикару не успел перейти барьер, но его душа хотела к сестре. Земли цветущего ликориса – это одновременно и человеческий, и загробный миры. Они перемешиваются хаотично, а барьер нестабилен, поэтому то, что они застряли в пограничье, это по сути случайность. – объяснил демон.

– То есть мертвый брат застрял в пограничье человеческого, а сестра в загробном? – спросил я.

– В целом так.

Не уверен, что понял эту схему, но ладно. Когда мы подъезжали к городу, начало светать.

- А школу-то хотя бы сносят или тут ты мне тоже соврал? – спросил я.
– Сносят, – ответил Араши, – через месяц.

¹ Дзёругумо – это опасный ёкай-оборотень из японского фольклора, представляющий собой огромного паука, который способен превращаться в прекрасную обольстительную женщину. Обычный паук-кругопряд превращается в ёкая, когда достигает возраста 400 лет.

² Нэкомата – самый опасный тип бакэнэко, и физически они отличаются тем, что у них два хвоста. Это бакэнэко, которые прожили дольше всех, обладают наибольшей мудростью, силой, а также являются самыми злобными. Они устраивают большие пожары, чтобы уничтожить города и поселки, убивая множество людей, а потом контролируют трупы, поработав их.

³ Нурэ-онна – в японской мифологии женщина-змея, живущая в водоемах или даже в море, которая подманивая мужчин своей женской половиной, нападает на них и съедает.

⁴ Ямауба – чудовищное существо, ёкай из демонического пантеона японской мифологии. Пожилая женщина, которая живёт в горах. Слово «ямауба» буквально означает «горная старуха».

⁵ Сьобун-но хи – это день осеннего равноденствия, осенний праздник поминовения усопших в Японии. В этот день японцы посещают могилы предков, убирают их, возлагают цветы и молятся. Праздник имеет статус государственного выходного.

⁶ Хаканохи – блуждающие огни. Это светящиеся шары, вылетающие из могил. Они указывают на присутствие духа или на то, что могилу потревожили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.